

Российская внешняя политика в эпоху Путина

Сергей Медведев

Публикация Центра им. Маршалла № 6

4. Korrektur 16.08.2004

Европейский центр по изучению вопросов безопасности им. Джорджа К. Маршалла

Деятельность Центра им. Джорджа К. Маршалла — ведущего учебного заведения в области трансатлантической обороны и изучения вопросов безопасности, финансируемого правительствами США и Германии, — направлена на создание более стабильной среды безопасности посредством развития демократических оборонных структур и отношений, оказание содействия активному мирному сотрудничеству, а также укрепление долгосрочных партнерских отношений между странами Северной Америки, Европы и Евразии.

Публикации Центра им. Маршалла

Публикации Центра им. Маршалла ставят своей целью дальнейшее развитие наследия генерала Джорджа К. Маршалла, в честь которого назван Центр, посредством распространения монографий, способствующих достижению его идеала обеспечения демократического, свободного и мирного развития неразделенных стран Европы и Евразии в XXI веке. Работы, публикуемые в данной серии, призваны определять и анализировать важные проблемы в области обороны и безопасности, а также оказывать влияние на принятие соответствующих решений. Главным направлением *Публикаций Центра им. Маршалла* являются сравнительные и междисциплинарные исследования в таких областях, как международная безопасность, демократические средства управления в области обороны, взаимоотношения гражданских и военных структур, формулирование стратегий, планирование оборонных мероприятий, контроль над вооружениями, миротворческие операции, разрешение кризисных ситуаций и безопасность на базе сотрудничества. Авторами *публикаций Центра им. Маршалла* являются сотрудники, преподаватели и выпускники Центра им. Маршалла, а также другие эксперты, приглашаемые со стороны.

В настоящей публикации изложены личные взгляды автора, которые могут не совпадать с официальной политикой или точкой зрения Европейского центра по изучению вопросов безопасности им. Джорджа К. Маршалла, Министерства обороны США, Министерства обороны Германии или правительств США и Германии. Представленная здесь статья предназначена для широкого круга читателей и может распространяться без каких-либо ограничений.

Вы можете направлять свои замечания по следующему адресу:

Международный адрес:	Адрес в США:
Director	Director
George C. Marshall Center	George C. Marshall Center
ECMC-CL-O-MCP	ECMC-CL-O-MCP
Gernackerstrasse 2	Unit 24502
82467 Garmisch-Partenkirchen	АРОАЕ 09053
Deutschland	

Уведомления об изменении адреса и заявки на предоставление копий публикаций Центра им. Маршалла просьба направлять по вышеуказанным адресам. Вы можете также связаться с нами по тел. 49-(0)8821-750310, факсу 49-(0)8821-750688 или электронной почте <mcpapers@marshallcenter.org>.

ISBN 1-930831-12-9

Пересмотр национальных интересов: Российская внешняя политика в эпоху Путина

Сергей Медведев

(перевод с английского)

Сергей Медведев — кандидат исторических наук, профессор Колледжа по изучению вопросов безопасности и международных отношений Европейского Центра исследований по вопросам безопасности им. Дж. Маршалла в Гармиш-Партенкирхене (Германия).

Содержание

Предисловие	v
Вводное резюме	viii
Введение. Москва, Красная площадь, 1555 г.	1
Часть 1. Модерн без предела	9
Государство национальной безопасности	9
Плоды Просвещения	16
Территориальный перебор	22
«Ошибка тысячелетия»	27
Часть 2. Смена вех во внешней политике	33
Императивы глобализации	
<i>а. Императив ресурсов</i>	33
<i>б. Императивы внутренней политики</i>	36
<i>в. Экономический императив</i>	38
<i>г. Институциональный императив</i>	40
1990-е: катастрофа, которой не было	43
Новый курс Путина	49
С каким Западом объединяться?	54
Заключение. Москва, Красная площадь, 2003 г.	61
Примечания	66

Предисловие

События 11 сентября 2001 г. полностью изменили международный ландшафт и напомнили нам о том, что мы неразрывно связаны друг с другом перед лицом общей угрозы. Террористические акты заставили нас переоценить глобальные вызовы, доктрины безопасности и формы стратегического партнерства.

В новых стратегических условиях Россия снова начала играть подобающую ей глобальную роль и сблизилась с западным сообществом безопасности. 11 сентября Президент России Владимир Путин стал первым руководителем иностранного государства, выразившим свои соболезнования президенту Джорджу Бушу-младшему. Этот символический акт способствовал созданию нового стратегического партнерства, которое сохранялось на протяжении последних двух лет. Несмотря на разногласия по поводу войны в Ираке, значимость этого партнерства была подтверждена на встрече в верхах президентов Буша и Путина в мае 2003 г.

В более широком смысле президент Путин использовал глобальную войну против терроризма для сближения России и Запада в рамках своего курса на вестернизацию во внутренней и внешней политике. На первый взгляд, этот курс является взвешенным и долгосрочным, но что же кроется за переменами? В чем глубинные причины, идеология и практический смысл нового курса Путина? В своей *Публикации Центра им. Маршалла № 6* преподаватель Центра Маршалла Сергей Медведев ищет ответ на эти вопросы.

Медведев утверждает, что преобразование российской внешней политики и политики безопасности является революционным и долгосрочным. Речь идет о глубоком переосмыслении национальных интересов России и пересмотре многовековых имперских парадигм. Чтобы

сполна оценить масштаб происходящих перемен, автор обращается к историческим корням российской государственности и внешней политики.

В сжатом обзоре истории со времен Ивана Грозного автор сосредотачивается на становлении России как «государства национальной безопасности» — государства, пожертвовавшего личную и общественную жизнь на алтарь национальной безопасности и территориальной экспансии. Однако к 1980-м годам территориальный императив оказался государству не по силам, и вслед за этим начался период исторического заката СССР.

Автор рассказывает, как руководители государства пытались преобразовать устаревшую систему и приспособить Россию к новым глобальным правилам игры в постиндустриальном мире. По его мнению, перестройка Михаила Горбачева была эволюционным проектом по адаптации социализма к новой среде, при том, однако, что этот проект не оспаривал основ режима. Борис Ельцин, с другой стороны, пытался преобразовать Россию путем антикоммунистической революции и «шоковой терапии». И хотя оба реформистских проекта столкнулись с трудностями, они имели крайне важные последствия. Они положили начало критическому переосмыслению роли России в мире и создали предпосылки для прихода Путина.

Медведев анализирует внешнюю политику Путина и «тихую революцию» в российском мышлении в области безопасности. Несмотря на кризисы в отношениях с Западом, Россия всегда оставалась в рамках сотрудничества с западными институтами. Автор считает, что попытки Путина крепче привязать Россию к Западу после событий 11 сентября завершают и консолидируют преобразования последних пятнадцати лет во внешней политике России и переворачивают традиционную имперскую парадигму.

В целом, Медведев считает, что в России произошли системные изменения в отношениях между внутренней и внешней политикой. В течение последних веков геополитическое мышление доминировало над внутренней политикой и диктовало мобилизацию внутренних ресурсов. Сегодня ситуация кардинально изменилась: внешняя политика призвана поддерживать программу внутренних реформ.

Большинство политиков еще не осознали масштаб этих перемен, малозаметных на фоне политических будней и дипломатических игр. В своей публикации Медведев пытается разобраться в этих преобразованиях, выявить природу и масштаб путинской революции во внешней политике. Это тем более интересно, что Путин совершил ее по сути в одиночку, не взирая на скепсис внешнеполитической и силовой элит и общую усталость электората от реформ.

Эта работа предлагает новый взгляд на Россию. Слишком часто мы сталкиваемся с близорукими толкованиями российской внешней политики, а возникающие время от времени разногласия между Москвой и Западом возводятся в ранг стратегических разрывов. Сергей Медведев напоминает нам о том, что Россия отходит от вековых имперских традиций, глубоко укоренившихся в национальной психике, а постимперский переход никому не давался нелегко. Необходимо оглянуться на пятьсот лет российской истории, чтобы по достоинству оценить масштаб политических, психологических и концептуальных перемен, которые произошли в российской внешней политике за последние пятнадцать лет и были закреплены в стратегическом выборе Путина после 11 сентября.

Д-р Джон Роуз
Директор Европейского центра исследований
по вопросам безопасности им. Джорджа Маршалла

Вводное резюме

В работе исследуются исторические и политические предпосылки трансформации в российской внешней политике, предпринятой президентом Владимиром Путиным после террористических актов 11 сентября 2001 г. Став первым зарубежным лидером, заявившем о поддержке Соединенных Штатов, Путин выстроил новое стратегическое партнерство с США и, в целом, стал проводить политику сближения с Западом.

За прошедшие два года первоначальная безоговорочная поддержка Россией Соединенных Штатов была смикширована разногласиями по войне в Ираке. И все же нынешний российский курс существенно отличается от внешней политики 1990-х гг. Используя возможность, которая представилась в связи с войной с терроризмом, и саму риторику этой войны, Россия сделала нормативный выбор в пользу вестернизации и стратегического партнерства с США и Европой.

В работе утверждается, что преобразование в российской внешней политике и политике безопасности является революционным и долгосрочным. Это не временный брак по расчету и не политика с позиции слабости, но глубокая переоценка национальных интересов России и ее места в мире, отвергающая вековые имперские парадигмы. Чтобы сполна оценить масштаб перемен, следует рассмотреть не только президентство Путина и трансформации 1990-х гг., но исторические корни российского государства и внешней политики.

Об этом идет речь в **первой части** — «**Модерн без предела**». Со времен расширения Московского княжества в XVI в. российское государство брало на себя все больше и больше стратегических задач. Оно строило дороги и форпосты, расширяло и укрепляло границы, противостояло всадникам Великой Степи на востоке и

регулярным армиям, которые вторгались с запада. Географические и природные условия сделали государство главным действующим лицом российской истории. Преследуя стратегические, территориальные и мобилизационные цели, государство не давало развиваться политическому и гражданскому обществу и рыночной экономике. Этот феномен, названный в работе «государством национальной безопасности», был основан на тотальном контроле, территориальной экспансии и мессианских целях в разных частях света, от «третьего Рима» до Третьего Интернационала.

Развиваясь на основах, заложенных Российской Империей в XVIII-XIX вв., «государство национальной безопасности» достигло своего логического завершения в виде Советского Союза — типичного продукта XX в. СССР был крупнейшим модернистским экспериментом в истории: секулярным, урбанистическим, рациональным, наднациональным и индустриальным. Вся страна работала для достижения имперских целей: мировой пролетарской революции в 1920-е и 1930-е гг. и стратегического паритета с Западом в период «холодной войны». Однако в 1970-е и 1980-е гг. советское государство и его внешняя политика оказались на грани банкротства. В народном хозяйстве наблюдался перекос в сторону тяжелой промышленности и военной индустрии, прекратился экономический рост. Государству было не по средствам заселять и содержать огромную территорию. Неповоротливая советская бюрократия была неспособна ответить на вызов информационной революции, отбросив СССР на технологическую периферию.

Сокращающиеся внутренние ресурсы более не могли обеспечивать глобальные обязательства СССР — гонку вооружений с Западом, финансирование советских сателлитов и поддержку мирового революционного движения. На идеологическом фронте советская модель потеряла свою привлекательность. Ослабший Советский

Союз стал хрестоматийным примером «имперского перерастаения» и вступил в историческую фазу упадка.

В работе исследуются подходы руководителей государства последних пятнадцати лет к этому историческому кризису. Перед каждым из них стояла задача коренного преобразования устаревшей модернистской системы и адаптации России к новым глобальным правилам игры в постиндустриальном, постмодернистском мире. Перестройка Михаила Горбачева была, по сути, проектом эволюции социализма, которая не ставила под сомнение основы режима. После провала перестройки и распада Советского Союза в 1991 г. Борис Ельцин попытался преобразовать Россию при помощи антикоммунистической революции и «шоковой терапии». Однако просчеты в проведении реформ и приватизация государства могущественными лобби и олигархами застопорили и этот трансформационный проект. И все же политика и Горбачева, и Ельцина расшатывала представление России о себе самой как о сверхдержаве и вела к критическому переосмыслению ее роли в международных делах. К концу 1990-х гг. Россия осознала: вместо того, чтобы изменять мир, ей следует приспособиться к условиям внешней среды.

В этой ситуации президент Путин предпринял новую попытку реформ. Его цель — адаптация России к глобализации, и одним из основных инструментов для него служит внешняя политика. **Вторая часть** работы, «Смена вех во внешней политике», посвящена «тихой революции» в российской внешней политике и политике безопасности. В ней анализируется политический контекст и описываются четыре императива российской внешней политики:

- **Императив ресурсов.** Впервые в истории эпохи модерна у России не хватает ресурсов, чтобы соответствовать своей традиционной глобальной роли. Остаточные рычаги влияния, как, например, ядерное

оружие и постоянное место в Совете Безопасности ООН, становятся все менее адекватными.

- **Императив внутренней политики.** Ключевую роль в формировании внешней политики играет необходимость внутренних реформ. В предыдущие эпохи геополитические задачи России имели решающее значение в формировании ее внутреннего режима и требовали мобилизации внутренних ресурсов: вся страна работала на обеспечение внешнеполитической миссии. Сегодня все наоборот: внешняя политика воспринимается в качестве инструмента внутренних реформ.

- **Экономический императив,** который проявляется в том, что Россия постепенно интегрируется в мировые рынки на уровне государства, экономических элит, среднего класса и массового потребителя.

- **Институциональный императив,** согласно которому Россия все больше определяет свою внешнюю политику в парадигме международных институтов, таких как НАТО, ЕС, Совет Европы и ВТО.

Вслед за тем, в работе проводится анализ политических решений и говорится о преемственности в российской внешней политике от Горбачева до Ельцина и Путина. Несмотря на многие кризисы в отношениях с Западом (первая волна расширения НАТО в 1997 г., российский дефолт в 1998 г., война в Косово в 1999 г., война в Ираке в 2003 г.), российская внешняя политика не свернула в сторону изоляционизма и конфронтации, но осталась в рамках сотрудничества с Западом. Стремление Путина теснее привязать Россию к Западу после террористических актов 11 сентября 2001 г. завершает и консолидирует российскую внешнеполитическую трансформацию последних пятнадцати лет и переворачивает традиционную имперскую парадигму.

В соответствии с традиционным мышлением (которого по-прежнему придерживаются российские внешнеполитическая и силовая элиты), территория неприкосновенна и имеет стратегическое значение, тогда как альянсы, договоры и нормы постоянно меняются и, соответственно, имеют тактическое значение. Путин пытается перевернуть эту парадигму с ног на голову, рассматривая территорию как тактический ресурс, а альянс с западным сообществом безопасности — как стратегическую цель. Говоря о вступлении в НАТО стран Балтии, об отделении Калининграда визовым барьером, о размещении вооруженных сил США в Афганистане, Центральной Азии и Грузии, о войне США в Ираке и, возможно, о более крупномасштабном и долгосрочном присутствии США на Ближнем Востоке, российские критики Путина сокрушаются об «окружении России» и «геополитической катастрофе». Для самого же Путина это не более, чем тактические уступки, пешки в стратегическом гамбите.

В этом смысле, он дает новую формулировку национальных интересов, опираясь не на пространственное, а на функциональное их определение. Впервые в российской истории национальные интересы связаны не с властью и пространственным контролем в чистом виде, а с внутренними реформами, процветанием нации и эффективностью правления. Путин по-прежнему видит Россию глобальной державой; его политика является не прозападной, а прагматично пророссийской. Это политика просвещенного эгоизма: Путин нуждается в Западе для того, чтобы Россия вписалась в мир глобализации. Обладая черным поясом по дзюдо, он применяет на практике философию этого боевого искусства: не следует сопротивляться силой превосходящему вас противнику, но можно использовать его силу себе на пользу.

Путинская вестернизация прагматична и в том смысле, что Россия проводит разную политику в отношении разных частей Запада — Европы и Соединенных Штатов. Она ищет максимальных тактических выгод с обеих сторон: примером могут служить дипломатические маневры России до и во время войны в Ираке. В вопросах терроризма и внутренней безопасности российская элита и общество склоняются ближе к Соединенным Штатам, чем к Европе. Можно увидеть своего рода «дугу национальных интересов», протянувшуюся от Соединенных Штатов до России через головы обеспокоенных европейцев. Россия пытается имитировать глобальную роль Соединенных Штатов в региональном масштабе, по меньшей мере на востоке и на юге постсоветского пространства, принимая роль младшего партнера США в войне против терроризма. В то же время, в Европе Россия делает упор на торговлю, инвестиции, институциональный диалог и регионализм, основанный на сотрудничестве (например, в проблеме Калининграда).

Близость и партнерство с США в вопросах «жесткой безопасности» и диалог с Европой по вопросам «мягкой безопасности» и институтов — таковы два облика путинской вестернизации. ■

Введение. **Москва, Красная площадь, 1555 г.**

Теракты 11 сентября 2001 г. привели к столь существенным сдвигам в международной системе, что впору сравнить их с падением Берлинской стены. Если после окончания «холодной войны» наступили 1990-е — десятилетие демократического транзита и интернационализма, то события 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними война против терроризма задали новую парадигму международных отношений, в которой приоритет отдается безопасности и национальным интересам.

Подвижки в стратегическом ландшафте заново определили роли глобальных игроков — Соединенных Штатов, Великобритании, России, Франции и Германии, и ключевых институтов, таких как Организация Объединенных Наций, Европейский Союз и НАТО. После 11 сентября резко изменилась и роль России. Президент Владимир Путин, поддержав Соединенные Штаты непосредственно после террористических актов, установил стратегические отношения с администрацией Буша и приступил к проведению широкомасштабной политики сближения с Западом.

Подобно «новому мышлению» Горбачева 15 лет назад, путинский поворот во внешней политике стал для мира неожиданностью и не был принят российской внешнеполитической и силовой элитами. За два года после смелого шага Путина политика России стала более разнообразной, и первоначальная безоговорочная поддержка, оказанная Соединенным Штатам, была смикширована разногласиями по поводу войны в Ираке в марте и апреле 2003 г.

Что стоит за путинским поворотом? Потребность вестернизации элит в вестернизации? Проект анонимных

стратегов из силовых ведомств, из ближайшего окружения Путина или из могущественного «семейного» клана Бориса Ельцина во главе с «серым кардиналом» российской политики Александром Волошиным? Было ли это тайным условием Ельцина, когда он назначил Путина своим преемником? Или, как полшутя заметил один комментатор, Путин все эти годы тайно читал журнал «Экономист»?

Предлагаемое читателю эссе ищет ответы на эти вопросы, рассматривая не столько действия отдельных игроков, сколько системные силы в игре. Гипотеза заключается в том, что путинский поворот во внешней политике (равно как и то, что сделал ранее Горбачев) был не просто смелым шагом одиночки или узкого круга людей, а проявлением более широких системных изменений, произошедших в России за последние десятилетия. Сколь бы неполноценной ни казалась вестернизация Путина, это проект по адаптации России к условиям глобализации, соразмеряющий национальные амбиции с национальными ресурсами и определяющий место России в новом мировом порядке.

В поисках глубинных причин стратегической перестройки Путина эссе обращается к истории. Дабы лучше понять источники и логику сегодняшней внешней политики России, следует рассмотреть традиционные формы российской государственности и национальные модели восприятия и изменения мира. Россию сегодняшнего дня, Россию, открытую глобализации, надо сравнить с традиционной Россией, Россией, которую мир знал на протяжении последних пятисот лет. Иными словами, в этом эссе внешняя политика, вестернизация Путина и стратегический союз с Западом после событий 11 сентября рассматриваются с точки зрения истории, географии и культуры.

Трудно представить более подходящий символ российской истории, чем собор Василия Блаженного на

Красной площади в Москве. Его сказочный силуэт словно подтверждает западные представления о России как о загадке: поколение за поколением иностранцев, пытаясь описать собор, сравнивали его то с мечетью (как Наполеон в 1812 году), то с кондитерским изделием, то с парящим облаком. Украшая обложки путеводителей по России и учебников русского языка, храм Василия Блаженного как бы говорит об «особом пути» России и ее патентованной «духовности», и в то же время о прихотливом вкусе и железной руке русских царей.¹

Архитектура, подобно геополитике, — пространственное искусство, где замысел зодчего часто повинуется воле власти. Здания — это политические программы или завещания правителей. Затейливая архитектура Василия Блаженного — не каприз, но геополитическое заявление. Собор был возведен в 1555-61 гг. в честь поворотного события российской истории: взятия в 1552 г. Иваном Грозным Казани, столицы Татарского ханства на Волге. Девять куполов храма означают девять этапов осады Казани, и весь собор — это символическая карта военных действий.²

Взятие Казани было знаковым событием в становлении российского государства. На протяжении двухсот пятидесяти лет татарского ига (с середины XIII до конца XV в.) Россия оставалась в стороне от основного потока европейской истории и культуры, на положении второстепенной страны, зажатой между Литвой и Ордой. За религиозным и национальным возрождением Руси в XV в. последовало объединение русских земель, начатое московским князем Иваном III (1462-1505), и продолженное его сыном Василием III (1505-1533) и внуком Иваном IV, «Грозным» (1533-1584). Именно в этот период была озвучена мессианская геополитическая идея «Москва — Третий Рим», Митрополит Московский стал Патриархом, превратившись из главы местной в главу вселенской церкви, а московские князья присвоили себе

титул царей. Регалии божественной власти были заимствованы у Византийской империи, включая двуглавого орла, смотрящего одной головой на запад, а другой — на восток. Этот геополитический символ ныне является государственным гербом России.

В движении России на восток пересечение Волги у Казани было не только знаковым актом, означавшим освобождение от прошлого, но и заявкой на будущий территориальный проект. Волга и сегодня остается российским фронтиром. С высокого западного берега, где стоят старые купеческие города, такие как Самара и Сызрань, открывается вид на безлюдные заволжские степи за рекой, с которых начинается великая евразийская степь. Можно сказать, что психологическая граница между Европой и Азией проходит не по Уральскому хребту, а по Волге. Перейдя эту границу в XVI в., Россия положила начало 450-летнему циклу территориального и политического расширения. В этом смысле, храм Василия Блаженного на Красной площади открывает российское пространство и российскую историю, служит геополитической вехой и памятником российского модерна.

Модерн является ключевой концепцией в данной работе, которая рассматривает современную эволюцию мышления в области безопасности в России и, в частности, внешнюю политику президента Путина. В работе сделана попытка определить модернистские истоки и черты российского государства, а также обозначить кризис модерна в российской внутренней и внешней политике. Основная идея заключается в том, что Россия, особенно в своей советской ипостаси, была производным европейского модерна и Просвещения. Кризис, разразившийся в России в последние десятилетия двадцатого века, был не изолированной проблемой в отдельно взятой стране, а проявлением исторической силы — глобального кризиса модерна. В этом смысле, внешняя политика Путина

является отходом от модернистских дискурсов территориальности и безопасности и составляет ни много ни мало как революцию в понимании российских национальных интересов.

Модерн — двусмысленная концепция, в том числе и потому, что это слово не переводится точно на русский язык. Наиболее близким по смыслу термином было бы «Новое время». Смысл «модерна» становится еще более размытым на зыбкой почве российской истории. По сравнению с другими западными державами, история России, особенно в допетровский период, не является чем-то непреложным и подвержена противоречивым толкованиям. История России до XVIII в. известна из повествований иностранных путешественников, таких как шотландец Патрик Гордон. Она записывалась со слов придворных и зачастую переписывалась в угоду власти предрежащим. Как говорят, Россия — страна с непредсказуемым прошлым. И здесь возникает вопрос: что же такое модерн и как применить это слово к России?

Термин «модерн» был впервые сформулирован в социологии XIX века как критерий различия между «современной» эпохой и предыдущей, которую называли «античной» или «традиционной». Специалисты по-прежнему спорят по поводу начала модерна, и всякий раз этот период отодвигается все дальше и дальше в прошлое. Многие относят его к эпохе Просвещения и промышленной революции в Англии, т. е. к XVIII в. Другие считают, что этот период наступил с заключением Вестфальского мира в 1648 г. Некоторые говорят о Возрождении и Реформации, т. е. о XV-XVI вв. или даже о более ранних периодах.

Принято считать, что в **философском** смысле модерн включает в себя идеи Возрождения и Просвещения, с их вниманием к личности (которая способна определить свое место в истории, различая между «модерном» и

«прошлым»), гуманизмом, рациональностью (декартовское *cogito ergo sum*) и секуляризацией. На **практическом** уровне модерн связан с великими географическими открытиями, революцией Коперника, возникновением науки (особенно физики Ньютона) и ранней индустриализацией. Наконец, на **политическом** уровне модерн означает централизацию правительства и введение государями монополии на насилие, что привело к возникновению классического вестфальского национального государства. Модернистское государство отличается от более ранних форм государственности идеей внутреннего суверенитета (описанной в работах Томаса Гоббса и Жана Бодена), согласно которой легитимная монополия на насилие принадлежит государству и ограничивается государственными границами. В этом смысле модернистское национальное государство превращается в географическую или даже в геометрическую единицу. От итальянских городов-государств эпохи Возрождения и вестфальского национального государства до европейских империй последних трех веков, модерн воплотил территориальное измерение власти.³

Именно последний аспект модерна — централизация политической власти, появление государств, использовавших насилие как инструмент правления, и идея территориального контроля позволяет нам возвести родословную российского модерна ко временам Ивана Грозного. И хотя в России не было модернистской философской традиции (т. е. традиции рациональной нерелигиозной философии), и хотя наука и индустриализация пришли в Россию позднее, чем в большинство европейских государств, политический модерн осуществился в России по полной программе.

Идея модерна особенно важна для понимания российской государственности, ее имперского измерения, внешней политики и мышления в категориях силы. В

первой части, «Модерн без границ», изложение ведется в хронологическом порядке. В ней рассматриваются основные характеристики российского политического модерна по мере их возникновения: от ранней стадии территориальной экспансии в XVI-XVII вв., петровской модернизации, индустриализации и появления Российской Империи до кульминации модерна и Просвещения в грандиозном советском эксперименте. Работа исследует характерные черты российского модерна — этатизм (идея и политическая практика верховенства государства), индустриализация, милитаризация и империализм, которые в Советском Союзе гипертрофировались до такой степени, что стали непосильной ношей. В работе названы системные причины упадка и развала СССР.

Исторический экскурс необходим для понимания проблем, с которыми сталкивались советские и российские лидеры за последние пятнадцать лет: преобразование устаревшей системы модерна и приспособление России к новым глобальным правилам игры в постиндустриальном, постмодернистском мире. После неудачных экспериментов Горбачева с эволюцией социализма и несостоявшейся ельцинской антикоммунистической революции президент Путин предпринял новую попытку реформ. В его проекте внешняя политика является ключевой областью преобразований и инструментом, позволяющим приспособить Россию к условиям глобализации.

Во второй части, «Смена вех во внешней политике», рассматривается происходящая на наших глазах «тихая революция» в российской внешней политике, которая все заметнее отклоняется от ключевых принципов российского модерна. В первую очередь, в ней анализируется **политический контекст** и описываются четыре императива российской внешней политики: наличие ресурсов, императив внутренней политики, экономический императив и институциональный

императив, согласно которому Россия формирует свою внешнюю политику в рамках международных институтов. Во-вторых, проводится анализ **политических решений** и говорится о преемственности в российской внешней политике от Горбачева до Ельцина и Путина. Несмотря на многие кризисы в отношениях с Западом (например, решение о расширении НАТО в 1997 г., российский дефолт в 1998 г. или война в Косово в 1999 г.), российская внешняя политика не свернула в сторону изоляционизма и конфронтации, но осталась в русле сотрудничества. Стремление Путина теснее привязать Россию к Западу после террористических актов 11 сентября 2001 г. завершает и консолидирует российскую внешнеполитическую революцию последних пятнадцати лет, знаменует окончание посткоммунистического переходного периода в России и представляет разрыв с парадигмой модерна.

Наконец, в работе сделана попытка **политического прогноза**. В частности, высказывается предположение, что в будущем российская внешняя политика будет в значительной степени зависеть от того, как развиваются события на Западе. После 11 сентября на Западе сформировались две политики: мир «жесткой безопасности», военной мощи и национальных интересов, представленный Соединенными Штатами, и мир правовых норм, «мультиполярности» и «мягкой безопасности», представленный Европейским Союзом. Извечная дилемма отношений России и Запада формулируется заново: для того, чтобы ответить на традиционный вопрос «куда идет Россия», сначала необходимо определить, «куда идет Запад» или, скорее, к *какому* Западу Россия присоединится. По мере выхода России из затянувшегося периода модерна она несет с собой в новое тысячелетие все ту же раздвоенную идентичность, унаследованную от прошлых веков, и ее отношения с Западом остаются историей с открытым концом. ■

Часть I. Модерн без предела

Государство национальной безопасности

Россия — вечно опаздывающий европеец. Она либо пропустила основные события европейской истории эпохи модерна, такие как Возрождение и Реформация, либо участвовала в них с опозданием и не полностью, как это было с Просвещением, атеизмом, либерализмом и демократией. Но эта историческая асимметрия не помешала России пережить эпоху политического модерна приблизительно в одно время с Европой — с XVI по XX вв.

По мнению большинства историков, отцом модернистской, «европейской» России был Петр I (1682-1725). Однако многие видят корни модернизации в России в допетровском периоде. Становление Московского государства было, в сущности, явлением модерна, возникновением «упорядоченного полицейского государства», по выражению Марка Рэффа (под словом «полицейское» подразумевается управление в самом широком смысле).⁴ Ярмо Котилайне и Маршалл По отмечали, что, начиная с XVI в., Россия все больше втягивалась в международные конфликты, где она была вынуждена вести «модернистские» войны с новым типом противника, который коренным образом отличался от всадников евразийской степи. Россия столкнулась с регулярными армиями и новейшими вооружениями, появившимися с революционным внедрением пороха.⁵

Интерес к раннему периоду русской истории проявился в запросе, который историк из Гарвардского университета Эдвард Кинан получил в середине 1980-х гг. из Государственного департамента США. В нем предлагалось проследить глубинные причины советского мышления в области безопасности со времен Московской Руси. В своей работе «Московские политические нравы» Кинан утверждает, что советская политическая культура являлась

продолжением того уклада, который сложился в средневековой России в качестве стратегии выживания в природных условиях восточноевропейских лесов:

наиболее важным автономным актором в жизни крестьян была не отдельная личность (неспособная выжить в одиночку в этой среде) и даже не базовая семья (которая, в своей расширенной форме, оставалась хотя и жизнеспособной, но по-прежнему слишком уязвимой для болезней и стихийных бедствий), а деревня, интересам которой, в итоге, подчинялись все остальные.⁶

Эти черты можно было обнаружить не только в деревне; они также были ярко выражены в молодом московском государстве. Поскольку и для него главной целью оставалось выживание, основное внимание уделялось минимизации хаоса и первоочередным задачам безопасности, а наиболее важным гарантом такой политики выступал жесткий принцип централизации.⁷ Центральная власть, все больше сосредотачивающаяся вокруг «помазанника божьего — Великого Князя Московского», стала ключевым действующим лицом в переходе России от Средних веков к Новому времени.

В России главной движущей силой модернизации всегда было государство, бравшее на себя задачи развития. Это включало в себя территориальное расширение, контроль над пространством и поддержание социального порядка. Собственно говоря, то, что началось в России пять веков назад, было великим территориальным экспериментом Нового времени, в ходе которого принцип пространственной экспансии был доведен *ad infinitum*. Россия возникла как пространственный феномен и создавалась экстенсивными методами. Земли всегда было в достатке, на востоке и на юге границ фактически не существовало, и в течение последних пятисот лет государство и его люди свободно растекались по всему континенту, не стесненные соперниками или крупными природными преградами. Скорость расширения

впечатляет: захватив в 1555 г. Казань, уже в 1598 г. Россия присоединила Сибирское ханство на Иртыше, более чем в полутора тысячах километров к востоку. По подсчетам Ричарда Пайпса, между серединой XVI и концом XVII вв. территория России расширялась со скоростью 42,000 кв. км в год.⁸

В России движущей силой модернизации было государство, бравшее на себя задачи территориального расширения, контроля над пространством и поддержания социального порядка. Расширяясь, Россия заняла весь север Евразии, включая Монголию и Манчжурию, северо-запад американского континента, в том числе Аляску, и дошла до Форт-Росса, недалеко от Сан-Франциско. В XX в. Россия первой вышла в открытый космос, что стало еще одним проявлением ее пространственной судьбы. В том, что СССР первым запустил в 1957 г. спутник, а в 1961 г. первым вывел в космос человека, Юрия Гагарина, есть некий культурный детерминизм.

В феномене российского модерна государственность, прежде всего, выражалась в территориальности, и основные функции государства состояли в расширении, освоении и защите территории и в управлении ею. На протяжении веков территориальный императив был основой внешней политики России и СССР. «Как министр иностранных дел, я видел свою задачу в предельном расширении границ моей отчизны», признавался Вячеслав Молотов.⁹ В советском городском фольклоре территориальное мышление отразилось в анекдоте о школьнике, который пришел в писчебумажный магазин купить «глобус Советского Союза».

Территориальный императив привел к возникновению особого типа правления, который определялся стратегическими, территориальными и

мобилизационными приоритетами. Василий Ключевский назвал это «боевым строем государства»¹⁰. Ричард Хелли пишет о «государстве-гарнизоне»¹¹, а Лоран Муравьек говорит о «государстве национальной безопасности», движимом двумя императивами:

стремлением любой ценой достичь «национального величия», определяемого в качестве мессианской, религиозной задачи (Третий Рим, Третий Интернационал), и стремлением к территориальному расширению (Сибирь, южное направление, вплоть до Константинополя и Средиземного моря, Центральная Европа и почему бы и нет? Западная Европа, теплые моря, «большая игра» геополитики XX века). Соединяясь, оба стремления порождают Империю.¹²

Россия была империей *par excellence*, пространством, где национальная государственность приносилась в жертву имперскому расширению, а национализм — империализму. Графу Витте, известному российскому государственному деятелю начала XX в., приписывают афоризм: «Я не знаю, что такое Россия, я знаю только Российскую Империю». В его словах звучала национальная гордость, но их также можно истолковать и как сценарий национальной трагедии. И в самом деле, Россия как таковая, Россия как нация никогда не существовала иначе, как в имперском формате. Как лаконично выразился Джеффри Хоскинг: «У Британии была империя, Россия же была империей, и возможно, по-прежнему таковою является»¹³.

Государство с его имперскими устремлениями, постоянно расширяющееся и вбирающее в себя новые земли, народы и религии, не давало сформироваться стабильным моделям оседлости и общественным пространствам, в которых этничность могла бы развиваться в национальность. По сути, Российская Империя мешала образованию русской нации. Нация локальна и эксклюзивна, основана на мифах и ритуалах коллективности, а российское государство, с его

стратегическими, управленческими и цивилизаторскими задачами, было расширяющимся и инклюзивным, и потому не могло обеспечить основ для развития национальной идентичности.

Россия всегда была государством без нации. Ее модернизирующими силами были скорее этатизм и империализм, чем национализм. Модернизирующая сила национализма так и не проявилась в России в отличие от Западной Европы, где «крестьяне превратились во французов»¹⁴. Конструирование русского национального самосознания в той степени, в которой это стало возможно в XIX в., осталось проектом образованного класса. *Imagined community* («воображаемое сообщество») нации не стало достоянием широких слоев населения, как это было в национальных государствах Запада. Построение новых внеэтнических идентичностей в XX в. — «пролетарского интернационализма» и «советского народа» — подавило русскость еще на несколько десятилетий. Говоря о феномене русской «невнятной национальности» (*inarticulate nationhood*), Игорь Зевелев заключает, что «Россия вышла из состава Советского Союза как неполное государство с удивительно низким уровнем национального самосознания и отсутствием массового национального движения»¹⁵.

Подобно тому, как государство помешало становлению русской нации, оно не дало возникнуть нормальной экономике в России. Охрана границ большой протяженности, противостояние с многочисленными соседями, необходимость развивать и поддерживать инфраструктуру огромной территории заставляли государство направлять львиную долю национального продукта на нужды пространственного контроля. Подстегиваемое военным аппетитом Империи, государство стало главным потребителем продукции промышленности и сельского хозяйства.¹⁶ Через Казну как главного покупателя государство непосредственно

контролировало производство, не заботясь о сфере обращения. В 1913 г., когда дореволюционный капитализм в России достиг вершины своего развития, Казна являлась заказчиком, кредитором и покупателем почти 60% общего объема промышленного производства.¹⁷

«Государство национальной безопасности» подавило национальность, идентичность, гражданственность, а также личную и общественную безопасность.

Национальная экономическая модель выдвигала на первые роли производителя, а не торговца, административное распределение вместо обмена. Таким образом, доминирующая роль российского государства стала препятствием на пути развития экономики как обменного механизма. Российская национальная экономическая модель была ничем иным как *народным хозяйством*. Разница между экономикой и народным хозяйством заключается в том, что последнее строится, скорее, как домашнее хозяйство. В домашнем хозяйстве члены семьи не участвуют в товарообмене — ресурсы распределяются хозяином, роль которого в России играет государство.

Еще одним следствием стала слабость независимых торговцев, ключевых агентов городской экономики, которые в западной истории составили «третье сословие», потребовали гражданских прав и парламента и, в конечном итоге, стали движущей силой буржуазных революций. Как говорят немцы, *Stadtluft macht frei* («городской воздух освобождает»); по известному выражению Баррингтона Мура, «нет буржуазии — нет демократии». Подавляющая роль государства в российской истории препятствовала формированию гражданского общества и независимой публичной и политической сферы.

Следствием этого особого типа правления стало то, что ради государственной безопасности российское

государство почти полностью пожертвовало безопасностью общества. Тенденция проявилась уже при Иване Грозном, который породил парадоксальный тип государства: слабое в оказании услуг обществу и сильное в управлении обществом и устрашении общества, «государство-хищник и нация-жертва», как выразился Муравьев.¹⁸ Позднейшие модернизации в России, к примеру, петровская, приводили к еще большему укреплению государственной безопасности за счет разрушения общественной безопасности и самой ткани общества. В сталинские времена разрыв между государственной и общественной безопасностью достиг гротескных размеров, когда ни один из слоев общества, в том числе работники государственного аппарата, не были гарантированы от репрессий. (По иронии судьбы, сами репрессивные органы стали одной из главных жертв репрессий). Великий Террор конца 1930-х гг. был символом полной безопасности суверена и полного отсутствия безопасности для страны. Чистки в высших эшелонах Красной Армии накануне Второй мировой войны привели к нехватке среднего и высшего командного состава и к чудовищным потерям Советского Союза в течение первого года войны.

Таким образом, на самой обширной территории в истории модерна возникло самое централизованное государство с его неподъемными стратегическими задачами, с его армией, неподатливой бюрократией и услужливой православной церковью. Феномен российского модерна заключался в «государстве национальной безопасности», которое, движимое территориальным и стратегическим императивами, подавило национальность, идентичность, гражданственность, а также личную и общественную безопасность. Гены российской государственности — модернистские и европейские. Модель «упорядоченного полицейского государства» была заимствована у Запада. Но выйдя на огромные евразийские пространства, российское государство довело европейские идеи

территориальности, суверенитета и тотальной администрации до размаха, в самой Европе непостижимого.

Плоды Просвещения

Кульминацией модерна в России стала эпоха большевизма и советского коммунизма. Было бы неверно рассматривать Советский Союз исключительно как отклонение от генеральной линии европейской истории или же как изолированное, локальное явление. Согласно Игорю Шафаревичу, западный либерализм и советский коммунизм — две ветви одной и той же «неорганической цивилизации», выросшей на почве Возрождения и Просвещения, с их идеологией прогресса, техники, улучшения человеческого рода и веберовским «расколдованием мира» (*disenchantment of the world*). Это были два варианта модерна, «две дороги к одному обрыву», т. е. к кризису цивилизации модерна, который стал очевиден к концу XX столетия.¹⁹

Это в определенной мере объясняет симпатию западных властителей умов (не только левого толка) к советскому режиму в 1920-х гг. и даже позднее, в эпоху расцвета сталинизма. Герберт Уэллс и Альберт Эйнштейн, Ромен Роллан и Бернард Шоу приветствовали советский эксперимент и, как и Вольтер до них, воспринимали Россию как обетованную землю модернизации. Образ смелых модернизаторов, приписываемый многим российским лидерам от Петра I и Екатерины II до Ленина и Сталина, помогал Западу смириться с человеческими жертвами, которыми оплачивалась их политика.

Еще одним любопытным фактом была широкая популярность СССР в 1920-х и 1930-х гг. среди западных художников и архитекторов модернизма. Среди тех, кто в начале 1930-х гг. участвовал в конкурсе архитектурных проектов грандиозной сталинской стройки — Дворца

Советов — были одни из самых выдающихся архитекторов прошлого века швейцарец Ле Корбюзье и немец Вальтер Гропиус, лидер школы *Vauhaus*. Модернисты видели близость между собственными конструктивистскими проектами для общества и городской среды и политическим модерном большевизма.²⁰ Знаменитая формула Ленина «Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны» являлась, в сущности, модернистским планом, в котором сочетались неограниченная политическая власть и технологические достижения.

По выражению Теда Хопфа, Советский Союз был «крупнейшим модернистским экспериментом: секулярным, урбанистическим, рациональным, наднациональным и индустриальным»²¹ — т. е. обладал всеми чертами того, что Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно называли «модернистским Просвещением»²². Уникальная советская цивилизация с ее мобилизационным потенциалом, социальными экспериментами и индустриальным энтузиазмом была апогеем Просвещения и назидательным памятником ему же, его исполинским мавзолеем. Симон Кордонский сравнил Советский Союз с технологически развитыми цивилизациями прошлого, оставившими после себя такие ошеломляющие памятники как египетские пирамиды, колонны из химически чистого железа и непонятные наскальные изображения.

Наши отдаленные потомки-археологи, возможно, будут изумляться, изучая разрушенные ракетные шахты РВСН СССР, гигантские радиационные и химические свалки, остатки других великих строек пятилеток, и гадать, какая же неизвестная цивилизация и зачем их соорудила. Но мы-то знаем (хотя и пытаемся забыть), что их делали зеки и стройбатовцы, вооруженные лопатами, кирками и тачками, во имя великой и бессмысленной цели справедливого распределения.²³

В своей трилогии *Информационный Век* Мануэль Кастельс начинает анализ кризиса индустриального этатизма и причин распада Советского Союза с вопроса: что в 1980-х гг. побудило советских лидеров начать столь радикальный процесс реструктуризации, что в результате распался Советский Союз? Ведь СССР был не только военной сверхдержавой, но и третьей по величине промышленной экономикой в мире и единственным государством, способным обеспечить себя энергоресурсами и сырьем. Ни на внутреннем, ни на международном уровне никто всерьез не угрожал советскому режиму; мир вступил в эпоху относительной стабильности в рамках общепризнанных сфер влияния сверхдержав. Война в Афганистане повлекла за собой человеческие страдания и сказалась на политическом имидже и военной гордости страны, но не более, чем алжирская война сказалась на Франции или вьетнамская — на Соединенных Штатах. Политическое инакомыслие ограничивалось небольшим кругом интеллектуалов, сколь авторитетных, столь же и изолированных, еврейской эмиграцией и разговорами на кухне — одной из давних русских традиций. «Вторая русская революция, свергнувшая советскую империю и тем завершившая один из самых дерзких и дорогостоящих экспериментов в истории человечества, стала, может быть, единственной исторической переменной, произошедшей без вмешательства общественных движений и/или крупномасштабной войны»²⁴. Что же послужило причиной столь неожиданного и обвального распада?

Ответ выходит за рамки событий на одной шестой части света. Речь идет о завершении всей парадигмы модерна, которой СССР неустанно следовал, что и предопределило распад советского государства. Рискованные и, в конце концов, неконтролируемые реформы Горбачева стали проявлением исторической силы — структурной неспособности этатизма и советского варианта индустриализма обеспечить переход к постмодернистскому, постиндустриальному, информационному обществу.²⁵

Распад последней великой империи модерна был предопределен самими ее успехами: стремлением к индустриализации, линейному росту, территориальному расширению и количественным достижениям. Большую часть истории СССР его экономический рост шел быстрее, чем на Западе, а темпы индустриализации были одними из самых высоких в мире. Однако за такой рост пришлось заплатить высокую цену, прежде всего человеческим материалом и окружающей средой. Помимо массового подневольного труда и рождения деформированного, не имеющего устоев общества, сверх-индустриализация экономики привела к необратимым структурным диспропорциям. Чтобы субсидировать индустрию, кормить города и пополнять ряды промышленных рабочих, у сельского хозяйства отбирали его продукцию и лишали рабочих рук. Чтобы добиться полной независимости социализма по всем основным направлениям производства, потребительские товары, жилищное строительство и сфера услуг уступили место тяжелой промышленности и добыче полезных ископаемых, а главной задачей самой промышленности, как и во времена Петра I, стало военное производство.²⁶

В то же время, для поддержания экстенсивной модели роста и выполнения социальных обязательств, взятых на себя режимом в 1960-е и 1970-е гг., Советский Союз был вынужден прибегнуть к постоянному увеличению экспорта нефти, газа, драгоценных металлов и прочего сырья, который к 1980-м годам составлял 90% всего объема экспорта страны в капиталистические страны. Помимо отвлечения средств и ресурсов от инвестиций в народное хозяйство, эта структура внешней торговли, характерная для слаборазвитых стран, уязвима еще и потому, что в долгосрочной перспективе мировые цены на сырье имеют тенденцию падать по сравнению с ценами на промышленные товары.²⁷

Исторически, советская и российская внешняя торговля была чрезмерно чувствительна к колебаниям мировых цен на нефть. Нефтяной кризис середины 1970-х гг. наполнил казну слабеющего советского режима и продлил застой еще на десятилетие. Падение цен на нефть в середине 1980-х гг. усугубило дисбаланс в советской экономике и частично обусловило перестройку Горбачева. Высокие цены на нефть в середине 1990-х гг. раздули мыльный пузырь российского спекулятивного капитализма, который лопнул в августе 1998 г., когда цены упали до 12 долларов за баррель. Сегодня либеральные экономические реформы Путина, как и затяжная война в Чечне, финансируются за счет высоких цен на нефть. Пытаясь выйти на уровень постиндустриальной экономики, Россия по — прежнему страдает модернистским симптомом, который называют «голландской болезнью», зависимостью от экспорта нефти.

Главная диспропорция советского индустриального модерна заключалась в самой основе советской власти — гипертрофированном военно-промышленном комплексе (ВПК) и непосильном оборонном бюджете.²⁸ Советский Союз стремился к военному и стратегическому паритету с США в тот период, когда американская экономика была в два-три раза больше советской по абсолютным показателям. С 1950-х по 1980-е гг. Советскому Союзу приходилось выдерживать конкуренцию в трех отдельных гонках вооружений: в области стратегических вооружений для поддержания ядерного паритета с Западом и Китаем, в области обычных вооружений для обеспечения противостояния стран Варшавского Договора и НАТО и для помощи коммунистическому движению в третьем мире, и, наконец, в ответ на «стратегическую оборонную инициативу» президента Рейгана, в гонке вооружений в космосе.

Вследствие запросов ВПК в 1980 г. советский оборонный бюджет составлял 15 % ВВП — доля вдвое выше, чем у

США на пике рейгановского увеличения расходов на оборону. Продукция предприятий «оборонки» достигала 70% всего промышленного производства.²⁹ ВПК отбирал все лучшие производственные, человеческие и технологические ресурсы, сосредотачивая их в закрытых городах, наподобие Арзамаса-16 и Челябинска-70, и «почтовых ящиках» (закрытых исследовательских институтах, известных только по номеру их абонентского ящика).

**Советский Союз
1980-х гг.
был подобен
«Титанику» —
железному,
дымящему гиганту,
уверенно плывущему
навстречу
смертоносным
льдам.**

По выражению Кафелья, ВПК был «черной дырой советской экономики»³⁰. Монополизировав передовые технологии в советской экономике и обществе, из-за отсутствия конкурентной среды и присущего ему консерватизма ВПК стал тормозом технологического развития СССР. Когда советское программирование и компьютерные технологии, бывшие в 1940-х и 1950-х гг. на высшем мировом уровне, были полностью переведены в оборонное ведомство и выключены из частично открытой гражданской сферы, военные посчитали, что с точки зрения национальной безопасности надежнее будет не вести собственные компьютерные разработки, а копировать западные платформы и программы. Вместо того, чтобы создавать отечественные КБ и производственные линии, советские электронные НПО под эгидой Министерства обороны контрабандой ввозили компьютеры с Запада, производили «инженерный анализ» (т. е. разбирали их на части) и копировали каждую деталь, приспособивая модели к требованиям советской «оборонки».³¹ Так была заложена основа технологического отставания СССР, которое к 1990-м гг. превратилось в двадцатилетний разрыв в области разработок и производства — в болезнь, которую Томас Фридман назвал «синдромом дефицита микросхем».³²

Иными словами, преследуя цели модерна (государственная власть, территориальный контроль, имперские амбиции), используя средства модерна (централизованное планирование, иерархическая организация), построив экономику и общество на принципах мобилизации, индустриализации и милитаризации, Советский Союз изолировался от главной тенденции позднего модерна — информационной революции. Советский индустриальный этатизм, обремененный большой территорией и невыполнимыми глобальными задачами, был слишком тяжел и неповоротлив, чтобы пройти в постиндустриальную информационную эпоху. Высокообразованное население СССР оказалось заперто в устаревшей технологической системе. Советский Союз 1980-х гг. был подобен символу индустриальной цивилизации — «Титанику»: железному, дымящему гиганту, уверенно плывущему навстречу смертоносным льдам.

Территориальный перебор

Помимо этатизма и индустриализма, третьим столпом российского и советского модерна стало собое территориальное мышление. Оно проявилось во внутренней колонизации страны государством и во внешней экспансии государства, т. е. экстраполяция внутренней практики и идеологии во внешний мир. На административном уровне и Российская Империя, и Советский Союз стремились нивелировать разнообразие огромной внутренней территории с ее этническими, культурными и религиозными различиями, вводя их в рамки жесткой институциональной структуры. В имперской России этой цели служила система губерний — административных регионов, спланированных таким образом, чтобы военный гарнизон в столице губернии мог достичь любого ее уголка в течении трех дней для подавления возможного крестьянского восстания.

Этот принцип развился в советский период и был институализирован в уникальной советской системе «административно-территориального деления» (АТД).³³ Эта жесткая иерархичная структура была создана для контроля над советским пространством со всем его «содержимым», для организации деятельности государственных институтов и регламентации повседневной жизни людей. Все виды деятельности государства (охрана правопорядка, военный призыв, идеология, образование, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, повседневное управление местной промышленностью и сельским хозяйством и т.д.) практически полностью осуществлялись на региональном уровне. Основные функции государства были сконцентрированы на уровне области, которая стала жизненным центром и де-факто ключевым институтом государства. Этническая, религиозная и групповая идентичность могла санкционироваться государством только в рамках системы административно-территориального деления. Однако при этом рациональная логика административного подчинения противоречила природной логике пространства. В этом смысле централизация, навязанная территории СССР, содержала в себе зерна распада, а обвальная регионализация России в начале 1990-х гг. стала «мезью территории».³⁴

С другой стороны, сам территориальный формат России эпохи модерна как «геополитического хартленда» и «евразийского моста» превратился в проблему. Пространственный размах был оправдан с точки зрения безопасности, но не экономики.

Отдаленные регионы имели в советский период исключительно стратегическую ценность. Плановики переселили десятки миллионов людей в Сибирь и на Дальний Восток по соображениям, лишь косвенно относящимся к добыче стратегических ресурсов, таких как нефть, газ, золото, алмазы и уран. Куда важнее были резоны

государственной безопасности — промышленные и военные объекты располагались возможно дальше от угроз, исходящих с Запада и от Китая. Немаловажно было и то, что для контроля территории ее было необходимо заселить. СССР строил в Сибири города с населением более одного миллиона человек, в то время как в Канаде на бескрайних северных территориях строились только форпосты либо временные базы.

Недавние исследования в Институте Брукингса с использованием индекса температуры на душу населения (ТДН — средневзвешенная температура на душу населения страны, изменяющаяся в результате решений по экономическому районированию, что также служит показателем экономической рациональности) показали, что ТДН России значительно снизилась в период с 1926 по 1990 гг., тогда как в Канаде за этот период ТДН выросла. В результате, по мнению Клиффорда Гадди и Фионы Хилл, «с экономической точки зрения Россия сегодня является более холодной и более отдаленной страной, чем сто лет назад».³⁵ Около 30% населения России проживает к востоку от Урала в регионах, где средняя температура в январе колеблется между 15 и 40 градусами мороза.

Сегодня многие из этих регионов утратили свое стратегическое значение, и содержать их стало невыгодно. Типичным примером является Приморский край, столкнувшийся в последнее десятилетие с глубоким экономическим, социальным и энергетическим кризисом. Известны случаи, когда Владивосток обеспечивался электричеством от двигателей атомных подводных лодок на базах Тихоокеанского флота. По мнению Гадди и Хилл, для того, чтобы стать конкурентоспособной на мировом уровне, России надо «уйти из холода», избавиться от промышленных гигантов и уменьшить крупные города к востоку от Урала.³⁶

Тот же самый кризис территориальности разразился во внешней политике СССР. Советская империя была организована по строгим иерархическим правилам. Со времен становления Москвы как ядра модернистского государства Россия расширялась концентрическими кругами. Этот принцип просматривается, к примеру, в планировке Москвы: Кремль, как детинец, окружен защитными кольцами: Китай-Городом, Белым Городом (ныне Бульварное Кольцо), Земляным Городом (ныне Садовое Кольцо), Московской кольцевой автодорогой, обозначившей сегодняшние границы города, и, наконец, кольцом баз ПРО, построенных вокруг Москвы на расстоянии 50-70 км от центра и соединенных стратегическим шоссе, «бетонкой», которой сегодня, по большей части, пользуются вездесущие дачники.

Как и у Москвы, у СССР также было несколько оборонительных колец. В геополитической модели, предложенной Алексеем Салминым, пять концентрических колец составляли периметр безопасности советского государства. Первым кольцом была сама Россия и ее автономные республики, объединенные в РСФСР и не соприкасающиеся с капиталистическим миром, за исключением небольшого участка границы с Норвегией на севере. Второе кольцо составляли союзные республики, границы которых прилегали непосредственно к внешнему миру. Третье кольцо составляли «народные демократии», находившиеся за пределами СССР, однако остававшиеся под непосредственным советским контролем (в основном в Восточной Европе, где после вторжения в Чехословакию в 1968 г. господствовала «доктрина Брежнева»). Четвертое кольцо составляла просоветская клиентела (Куба, Вьетнам, Северная Корея, Никарагуа, Ангола и Южный Йемен), а также советские геополитические союзники (Ливия и Ирак). Пятый круг составляло международное коммунистическое движение со своими сторонниками по всему миру.³⁷

Управление огромной империей, «над которой никогда не заходило солнце», требовало как военной мощи, так и идеологии. С одной стороны, идеология марксизма-ленинизма обладала мобилизующими и легитимирующими функциями в советской внешней политике и консолидации империи. С другой стороны, Советский Союз полагался на демонстрацию силы, а модернистские принципы Реализма стали основой советской внешней политики. Вспоминается презрительное замечание Сталина, сказанное про Папу Римского: «А сколько у него дивизий?».

Эти два столпа — военная мощь и идеология — пошатнулись в конце 1970-х гг. На идеологическом фронте несбывшиеся обещания марксизма-ленинизма и падение эффективности советской системы убавили привлекательность советской модели. Окончательно ее подорвали «Еврокоммунизм» в Западной Европе, «гуляшный социализм» в Восточной Европе и застой в странах-союзниках СССР в «третьем мире».³⁸ На военном фронте провалы Советского Союза в Афганистане и Польше (введение генералом Ярузельским военного положения в 1980 г. взамен советского военного вмешательства не остановило брожения в стране), наращивание вооружений при Рейгане и его же Стратегическая оборонная инициатива (СОИ) продемонстрировали неадекватность и ненадежность советской военной машины. Как отмечал Ханнес Адомайт»,

Руководители в Москве, не способные либо не желающие осуществлять коренные перемены, начали себя вести как “обиженный великан”. Они прерывали переговоры по ограничению стратегических вооружений, ракетам средней дальности и обычным вооружениям. Они уничтожали остатки выборочной разрядки в своей западноевропейской дипломатии... Короче, имперская и идеологическая парадигма в итоге низвела Советский Союз всего-навсего до роли раздражителя в мировой

политике. У Москвы по-прежнему было достаточно мощи, чтобы грозить и не пущать, но не хватало сил на активную и конструктивную роль в международных отношениях.³⁹

«Перерастяжение империи» (*imperial overstretch*) — диагноз, поставленный Полом Кеннеди,⁴⁰ — вкупе с кризисом идеологии и руководства сделали СССР заложником своего территориального размаха и собственных амбиций. Неохотное решение ввести войска в Афганистан в 1979 г. — последний ход Советского Союза в «Большой игре» — оказалось последней соломинкой. Через восемь месяцев после завершения вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. рухнула Берлинская стена, а вслед за ней распалась и вся империя.

Ошибка тысячелетия

Махатма Ганди однажды заметил, что Индия — это не «страна третьего мира, но высоко развитая цивилизация на поздней стадии упадка». Эти слова можно сказать и о российском/советском государстве конца XX в. Упадок советской цивилизации был частью широкого исторического процесса — заката модерна. Конец Варшавского договора, Советского Союза и, наконец, России как сверхдержавы был предопределен развалом всей инфраструктуры российского и советского модерна, включая устаревшую промышленность, патерналистскую социальную структуру, разросшиеся армию и «оборонку», громоздкую административно-территориальную систему и имперскую внешнюю политику. Как отмечал Роберт Купер,

Советский Союз выглядел в 1989 г. довольно старомодно — империя, оставшаяся после того, как другие империи ушли; этатистская система, казавшаяся когда-то прогрессивной, но более таковой не являвшаяся; и государство, настроенное на оборону и войну много лет

после того, как угроза исчезла и все остальные сменили приоритеты⁴¹.

К концу XX в. пятисотлетний период модерна в России полностью себя исчерпал, вместе с сопутствующими ему институтами территориальности, индустриализма и империализма. Инфраструктура модерна распадается на глазах — от списанных атомных подводных лодок, ржавеющих у причалов Североморска, до космической станции «Мир», затопленной в Тихом океане недалеко от Фиджи, от поражений некогда непобедимой хоккейной сборной до обветшавших классических фасадов Петербурга во время празднования трехсотлетия города в 2003 г. Для России «ошибка тысячелетия» была не просто устаревшим компьютерным кодом (на самом деле, многим компьютерам на вооружении российской промышленности переход в новое тысячелетие ничем не грозил, поскольку это были древние мейнфреймы, выпущенные еще до изобретения операционной системы DOS). «Ошибка-2000» по-русски заключалась в системном несоответствии самой страны новому тысячелетию.

Это несоответствие проливает свет на события последних двадцати лет в СССР и России. Попытка реформ Юрия Андропова в 1982 г. свидетельствовала о растущем осознании кризиса в руководстве КГБ. Она была задумана в типично советском стиле: усиление партийного контроля, укрепление трудовой дисциплины и ужесточение внутренних репрессий. Но как безнадежно больному генсеку-реформатору, так и его реформам был уготован близкий конец. После краткого, невразумительного и карикатурного междуцарствия Константина Черненко в 1983-1985 гг. очередную попытку реформ предпринял Михаил Горбачев, пришедший к власти в 1985 г.

В отличие от немощной кремлевской геронтократии,

Горбачев, представитель нового поколения региональных лидеров, был хорошо осведомлен о кризисе. Однако, скорее всего, он не вполне представлял себе его масштабы и структурный характер. Будучи преданным коммунистом, он задумывал свой проект с косметическими целями построение «социализма с человеческим лицом»⁴², — и только в 1987 г. на смену первоначальной горбачевской риторике «ускорения» пришло понятие «перестройки», говорившее о необходимости фундаментальных перемен.

Для России «ошибка тысячелетия» заключалась в системном несоответствии самой страны новому тысячелетию.

Перестройка была попыткой консервативной эволюции советского режима без смены основ политического и социального устройства, проектом по сохранению социализма с помощью частичного допущения элементов рынка, ограниченных политических свобод и существенного расширения свободы слова («гласность»). Горбачев никогда не помышлял о подрыве основ российского и советского модерна — большого государства, роли партии и армии, централизованной федерации. Его эволюционный подход к реформам можно было бы сравнить с «китайской моделью» постепенных экономических изменений при сохранении политического контроля. Однако принципиальная разница заключалась в том, что позднесоветское общество в корне отличалось от китайского: это было урбанизованное, индустриализованное, полностью грамотное и гораздо более информированное и открытое общество, городская часть которого в целом разделяла западные ценности и модели потребления.⁴³

Советская модернизация, особенно социальный контракт брежневских лет, создали своего рода советский «средний класс»: 30-40 миллионов профессионалов-горожан с хорошим образованием и относительным достатком,

ограниченных иерархической общественно-политической системой. Эти люди первыми поддержали перестройку и гласность, но к концу 1980-х гг. поняли, что хотели нечто большего, чем скромные реформы Горбачева. Ирония судьбы заключалась в том, что силы, разбуженные перестройкой, — либеральное крыло истэблишмента, образованный класс горожан, национальные элиты в союзных республиках — переросли проект Горбачева и стали требовать больших социальных, политических и экономических свобод, а в некоторых случаях и национального суверенитета.

Если бы Горбачев следовал «китайской модели», он мог бы устроить «советский Тяньаньмынь» — демонстративное применение силы, которое гарантировало бы преемственность власти и жестко задавало бы границы политической либерализации. Но последний генсек поступил в соответствии с заявленными им нравственными принципами и воздержался от применения силы. Тем самым он открыл путь к распаду СССР и вошел в историю как реформатор-утопист, а не авторитарный модернизатор. Военная сила была применена не самим Горбачевым, а против него, во время августовского путча 1991 г., и потерпела блестящее фиаско.

Неудача перестройки и развал СССР привели к власти антагониста Горбачева Бориса Ельцина. Когда Ельцин был еще первым секретарем Свердловского обкома партии, за ним закрепилось прозвище «Бульдозер». Оно говорило о его склонности сносить все препятствия на своем пути и позднее вполне соответствовало характеру его реформ в 1990-х гг. После того, как попытки эволюции советского модерна провалились, Ельцин выбрал путь его революционного уничтожения, который, одновременно, был и его собственным путем во власть.

Снос старых структур начался еще при Горбачеве с упразднения отраслевых министерств (1989 г.) и отмены

Статьи 6 Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС и продолжился распадом Советской империи в Восточной Европе (1989-90 гг.). Вслед за этим, в 1991 г. Ельцин одним ударом уничтожил СССР, запретил КПСС и расформировал КГБ, в 1992 г. «шоковой терапией» подорвал социалистическую экономику, а во время своей войны с Верховным Советом в 1993 г. упразднил систему Советов. «Шоковая терапия» была применена не только к экономике, но и ко всему российскому и советскому модерну. Ельцинская антикоммунистическая революция начала 1990-х гг. была сносом структур модерна, постоянным кризисным управлением, в котором Ельцин был непревзойденным мастером и выживал вопреки всему.

Подобно концу света по Томасу Элиоту, ельцинская революция закончилась «не взрывом, но всхлипом», захлебнувшись в извечной российской энтропии. Конец первого президентского срока Ельцина (1994-1996 гг.) и весь второй срок (1996-1999 гг.) были отмечены профессиональной некомпетентностью, проваленной и в итоге проигранной войной в Чечне и возникновением в России коррумпированного олигархического режима. Экономика была разрушена (и частично деиндустриализована), но по большей части не реформирована; общество было расколото, но оставалось патерналистским; федерация децентрализована, но по-прежнему нежизнеспособна, а в политической системе царил плюрализм при отсутствии либерализма. По большому счету, Ельцину так и не удалось решить ключевую проблему российского модерна — проблему гипертрофированного и коррумпированного государства. Несмотря на провалы, обе стратегии выхода из парадигмы модерна, опробованные с середины 1980-х до середины 1990-х гг. — эволюция Горбачева и революция Ельцина — привели к осознанию системного кризиса и к мысли о необходимости структурных перемен. Эти стратегии расшатывали представление России о себе самой как о

сверхдержаве и территориальном колоссе и вели к критическому переосмыслению ее роли в международных делах. В поисках выхода различные школы мысли в России предлагали разнообразные решения, от интеграции до полной изоляции, от либерализма до евразийства, но все они сходились в одном: вместо того, чтобы изменять мир, России следует приспособиться к внешним условиям. На исходе эпохи модерна Россия столкнулась с необходимостью адаптации к глобализации.

Этот вопрос пришлось решать новому лидеру, Владимиру Путину, который был символически «помазан» на президентство уходящим в отставку Борисом Ельциным в последний день прошлого тысячелетия, 31 декабря 1999 г. Анализируя проблемы, стоящие перед Путиным, Питер Ратлэнд заметил, что его задача состоит в том, чтобы

адаптировать российское государство к вызовам глобальной среды, «локализовать» глобальную практику и требования в российских условиях. ...Во всем мире государственные лидеры пытаются защитить уязвимые социальные группы и сохранить национальные культуры, одновременно приспособляясь к конкуренции на мировом рынке. На Востоке этот процесс привел к открытию Китая и положил начало дискуссии об «азиатских ценностях». На Западе он заставил либералов и социалистов признать свободную торговлю и фискальный консерватизм. Ответ на «загадку Путина», может быть, в том, что она является частью дуги политической трансформации, которая протянулась от Мохамеда Мохатира и Дэн Сяо Пина до Тони Блэра и Билла Клинтона.⁴⁴

Стратегии адаптации важны для понимания путинского проекта и сопутствующих ему перемен в российской внешней политике. Внешняя политика стала ключевой сферой преобразований на стыке между модернистским, этатистским прошлым России и постмодернистской глобальной средой. Вторая часть этой работы посвящена анализу российской внешней политики на этапе выхода из модерна. ■

Часть II. Смена вех во внешней политике

Императивы глобализации

Изучая трансформационные процессы в России, мы не всегда можем провести четкие методологические границы между внутренней и внешней политикой. Акторы, проблемы и ограничения внутри страны все чаще определяют задачи внешней политики. И наоборот: условия внешней среды все заметнее влияют на формирование идентичностей и ответных реакций в самой России. В этой текучей обстановке в России меняется и само понятие безопасности: от этатистского дискурса эпохи модерна к плюралистическому дискурсу, выделяющему безопасность личностей и групп и глобальную взаимозависимость. Глобализация проникла в Россию в непредсказуемых, порой неудобных, формах, задавая новые императивы в области национальных интересов, безопасности и внешней политики.

а. Императив ресурсов

История российского модерна — это история приобретения ресурсов и контроля над ними, включая территорию (в том числе стратегическую глубину), численность населения, природные запасы, промышленный и технологический потенциал и т.д. Российские ритуалы национальной безопасности коренятся в мифологии «неисчерпаемых ресурсов». Вспоминаются победы над поляками в XVII столетии, над шведами в XVIII в., над французами в XIX в. и над немцами в XX в. Во всех эпизодах, и особенно в последних двух, ключевыми факторами были глубина территории, суровый климат и мобилизация огромных масс населения, в том числе партизанская война с захватчиками. Стратегическое противостояние времен «холодной войны» также в значительной степени являлось соревнованием в области ресурсов.

В конце эпохи модерна Россия столкнулась с двумя проблемами. Во-первых, ресурсы оказались отнюдь не бесконечны. Выяснилось, что линейный рост количественных показателей — размера территории, объема промышленности, военных расходов и т.д. — имеет естественные пределы, и к концу советского периода рост уже не мог поддерживаться на прежнем уровне. После распада Советского Союза России удалось сохранить около 60 % территории и немногим более половины населения СССР. Российские вооруженные силы составили меньше трети от прежней Советской Армии, а российская доля в мировом ВВП упала с 8% до 1,5%.⁴⁵ Даже если России удастся поддержать ежегодный экономический рост на сегодняшнем уровне в 4-5 %, самое большое, на что она сможет рассчитывать через 10-15 лет, это 2% мирового ВВП. Что же касается ее военных затрат, то Россия сегодня тратит на оборону меньше, чем любая из ведущих стран НАТО, и меньше, чем Китай, Индия или Япония. Учитывая «пределы роста» и недостаток физических ресурсов, можно сказать, что российская внешняя политика и политика безопасности переживают своего рода экологический кризис.

Во-вторых, в современном мире изменилось само понятие ресурсов, и многие из традиционных российских активов потеряли свое былое значение. Взять, к примеру, стратегические ядерные силы (СЯС). Теоретически, Россия все еще в состоянии поддерживать свой ядерный арсенал, но с каждым годом это обходится все дороже. Сегодня на долю СЯС приходится 15 % военного бюджета, но через десять лет они, в ущерб обычным силам, будут поглощать около 50%.⁴⁶ В то же время, сам факт наличия у России ядерного оружия, будь то 1500, 3500 или 5000 боеголовок, не предотвратил ни военных действий НАТО в Югославии в 1999 г., ни вторжения чеченских боевиков в Дагестан позднее в том же году, ни захват 800 заложников в Москве чеченскими террористами в октябре 2002 г. Это, в свою очередь, ставит вопрос о качестве и адекватности российских ресурсов в мировой политике. Слишком

многие из них основаны на «жесткой силе» и лишь немногие — на «мягкой силе» (экономическое влияние, политические союзы или дипломатическая деятельность).

По мере того, как традиционные силовые ресурсы становятся непригодными для противодействия новым вызовам, основной ресурс во внешней политике России начинает носить виртуальный, психологический характер. На Западе существует определенный архетип, мифология России, сугубо геополитическое представление о ней. Занимая бескрайние, неведомые земли на восточной окраине Европы, на протяжении веков Россия была психологической проблемой для Запада. Непредсказуемое российское пространство с его степями и татарами, царями и ГУЛАГом всегда оставалось недоступным для западного рационализма. Тая в себе угрозу хаоса, Россия пробудила комплекс беспокойства в психике Запада, и, в конечном итоге, погрузилась глубоко в западное подсознание.⁴⁷ Выстраивая извечную оппозицию свой-чужой, *эго-ид*, Запад-Восток, Европа-Азия, Запад символически инвестирует страх перед Другим в мифическое пространство России, воображая Россию в качестве геополитического соперника даже тогда, когда она находится в экономическом и военном упадке.

Примером служит история, случившаяся с небольшим российским разведывательным кораблем «Лиман». На борту этого корабля электронной разведки из состава Черноморского флота, переделанного из тридцатилетнего рыболовецкого траулера, находилось всего 60 человек экипажа и аппаратура для прослушивания, но не было ракет. Корабль совершал плановый поход в Адриатическое море для выполнения разведывательного задания в начале войны НАТО в Косово в 1999 г. В течение нескольких дней

от маленького корабля шли большие волны — он оказался в центре внимания мировых СМИ как символ «ответной реакции России» на бомбардировки НАТО. Интересен был контраст между традиционными геополитическими представлениями о России и ее военной мощи и скромными размерами этого корабля, который как-то незаметно исчез с первых полос газет вскоре после того, как он прошел Босфор и Дарданеллы.

Помимо остатков психологического влияния, Россия впервые в своей современной истории не располагает ресурсами, которые соответствовали бы ее традиционной глобальной роли. Однако изменения, произошедшие в российской внешней политике, настолько глубоки, что их трудно объяснить исключительно недостатком ресурсов. Даже если гипотетически представить себе, что России удалось вернуть ресурсы, которыми обладал Советский Союз на пике своего могущества, ее внешняя политика все равно в корне отличалась бы от советской. Изменения произошли в «глубинной грамматике» российской внешней политики, и продиктованы они, в первую очередь, внутренними соображениями.

б. Императивы внутренней политики

Геополитические задачи России всегда имели определяющее значение в формировании ее внутреннего режима, подчиняя себе внутреннюю политику и требуя мобилизации внутренних ресурсов. Нередко международная обстановка диктовала послабление или ужесточение внутреннего режима. Иными словами, вся страна работала на обеспечение своей внешнеполитической миссии.

Ситуация начала меняться в конце 1980-х гг., и особенно после распада СССР, когда в центре внимания оказалось внутреннее положение страны, а вопросы внешней политики стали играть подчиненную роль. В дискуссии о

национальных интересах авторитетно прозвучал голос Александра Солженицына, который в своих «посильных соображениях» под заголовком «Как нам обустроить Россию» говорил о необходимости «сосредоточить» нацию, оставив амбициозные внешнеполитические проекты ради внутреннего развития.⁴⁸

За «одомашниванием» внешней политики России стоят два фактора — изменение менталитета и изменение внутривнутриполитического режима. В психологическом смысле, в постсоветском сознании произошла частичная «детерриториализация». Ранее советский человек гордился тем, что территория СССР составляет «одну шестую часть суши», как говорилось в официальной пропаганде. Он идентифицировал себя с территориальной целостностью и величию своей страны. Но по мере того, как в 1980-е и 1990-е гг. один за другим следовали кризисы, территория начала терять свое сакральное значение и стала рассматриваться с функциональной точки зрения: полезна ли она, рентабельна, и по карману ли?

Очевидно, что этот подход противоречит пятисотлетней традиции территориального мышления, но некоторые факты 1990-х гг. говорят о наметившемся сдвиге. Подавляющее большинство населения равнодушно восприняло потерю «традиционно русских» территорий, вроде Крыма или Северного Казахстана, при распаде СССР в 1991 г. В конце первой чеченской войны 1994-1996 гг. избиратели были готовы «отказаться» от Чечни в обмен на мир. Равным образом, в последние годы стало ясно, что элиты и значительная часть населения не желают платить за воссоединение с «братским народом» Белоруссии.

Во-вторых, преобразования последнего десятилетия привели к возникновению специфического национального капитализма с ярко выраженными экономическими интересами и группами давления, во многом интегрированного в мировую экономику. Сам процесс

транзита России, включая возникновение рынка, демократизацию и социальные перемены, был «приватизирован» могущественными экономическими группами, такими как нефтяная, газовая и металлургическая отрасли, банковская и финансовая элита, ВПК, атомная промышленность и др. Наряду с силовиками и государственной бюрократией, эти акторы определяют новые правила игры.

В этом смысле, внешняя политика России является по большей части «объективной», определяемой внутренними экономическими переменными и четко выраженным интересом в соблюдении установленных правил игры. Даже если экономические интересы не всегда непосредственно транслируются во внешнюю политику (как, к примеру, в российской политике в Каспийском регионе или, отчасти, в Ираке), они создают прагматический, деидеологизированный контекст для принятия политических решений, что делает российскую внешнюю политику более предсказуемой. Возможно, стратегические интересы «Газпрома» на западных рынках и не формируют российскую внешнюю политику в целом, но, перефразируя старый афоризм о «Дженерал моторс», можно сказать: «что хорошо для "Газпрома", то хорошо для России».

в. Экономический императив

Параллельно с «одомашниванием» российская внешняя политика на протяжении последних десяти лет подвергалась активной «экономизации». Для России это не новое явление. Начиная с решения об экспорте на Запад нефти в 1958 г. и газа в начале 1970-х гг., Советский Союз стал одним из крупнейших мировых экспортеров нефти и другого сырья. Производство ядерного и химического оружия, затратная экономика позднего советского периода, брежневский социальный контракт и внутренняя стабильность эпохи застоя — все это финансировалось за

счет нефtedолларов: в период с 1973 по 1985 гг. только на экспорте нефти их было заработано около 200 миллиардов.⁴⁹ Одновременно Советский Союз долгое время был экспортером капитала. По сути дела, поддержка коммунистических режимов и торговля в рамках СЭВ, основанная на заведомо искаженных ценах, были косвенными способами вывоза капитала.⁵⁰ В этом смысле, советская внешняя политика если и не определялась экономическими приоритетами (и, уж во всяком случае, не внутриэкономическими), то хотя бы частично находилась под воздействием международной торговли.

После распада СССР экономическая составляющая заняла важное место в формировании российской внешней политики. Российская экономика стала намного глубже интегрирована в мировые рынки.

Становым хребтом интеграции России в мировую экономику является «труба», по сути дела, превращающая страну в «нефтегосударство».

Эта интеграция происходит на различных уровнях — от государственного до, все в большей степени, частного, от торговли нефтью и сырьем до массового потребления импортных товаров, от экспорта капитала до челночной торговли.

Отличие от советского периода состоит в степени внутривнутриполитической приверженности режиму внешней торговли. И здесь речь идет не только об интересах системообразующих элит нового режима, нефтяного и финансового сектора, но и о новом социальном контракте, включающем массового потребителя, торговца-челнока, турагента и его клиентов, и многие другие социальные слои — т. е. тот новый динамичный постсоветский класс, благодаря которому стали возможны социальные перемены и восстановление экономики, и который может существовать только в условиях открытой экономики и открытого общества.

Становым хребтом интеграции России в мировую

экономику является «труба», по сути дела, превращающая страну в «нефте-государство».⁵¹ На долю нефтяного сектора в широком смысле слова приходится 40% доходов федерального бюджета и 25% ВВП.⁵² Россия занимает третье место среди стран-производителей нефти и второе среди стран-экспортеров. Она обладает третью мировых запасов природного газа и на 40% обеспечивает потребности Европы в этом продукте. По мере того, как ОПЕК пытается скоординировать добычу нефти в глобальных масштабах, с сентября 2001 г. Россия стала регулярным участником встреч этой организации и считается главным игроком вне ОПЕК, влияющим на формирование мировых цен на нефть.

Прочие формы экономической интеграции России включают возвращение западных инвесторов на возрожденный российский фондовый рынок (РТС), полностью оправившийся от августовского дефолта 1998 г., и в 2002-2003 гг. достигший впечатляющих показателей на фоне общемирового спада. Следует отметить экспорт капитала из России, достигающий 15-20 млрд. долларов в год (в 2002 г. этот уровень понизился и составлял менее 1 млрд. долларов в месяц), а также экспорт человеческого капитала. Важную социальную роль играют импорт потребительских товаров быстрого обращения (20 основных регионов страны импортируют до 40% всех потребительских товаров)⁵³ и челночная торговля, которая обеспечивает занятость и кормит миллионы людей, в основном в приграничных районах российского северо-запада и Дальнего Востока.

г. Институциональный императив

Новая внешняя политика России осуществляется на фоне все возрастающей глобальной и региональной интеграции и возникновения транснациональных институтов, играющих ключевую роль в мировых вопросах. Российская политика идентичности отличается от

посткоммунистического перехода в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, где политика интеграции была продиктована дефицитом идентичности, страхом перед Востоком и надеждами на Запад. В России не наблюдается ни ощутимой потребности, ни внутреннего согласия относительно *интеграции* страны. Скорее, России приходится *позиционировать* себя относительно интеграции, происходящей за ее пределами. В течение последнего десятилетия российская внешняя политика все больше формировалась и осуществлялась в контексте международных организаций, что привело к институционализации российского внешнеполитического мышления.

На фоне истории российского и советского модерна это совершенно новая черта. Россия, всегда мыслившая в рамках суверенитета, никогда не стремилась к интеграции. Ее политика колебалась от завоевания и включения других стран в состав Российской империи или СССР до имперского доминирования (в странах Варшавского Договора и СЭВ). Мировые интеграционные процессы после Второй мировой войны происходили без участия Советского Союза, вопреки ему, и часто были направлены против него.

В рамках нового подхода, сразу после распада СССР Россия начала добиваться вступления в международные институты. В мае 1992 г. она вступила в МВФ, в июне 1992 г. — в Мировой Банк. В тот период в высших эшелонах российского руководства озвучивались мысли о членстве в ЕС и НАТО. В феврале 1996 г. Россия присоединилась к Совету Европы, а в мае 1997 г. в Париже был подписан Договор Россия-НАТО, учредивший формулу «16+1» (после вступления в НАТО еще трех стран в марте 1999 г. превратившуюся в «19+1»), которая на Римском саммите 2002 г. была заменена формулой «двадцатки». В декабре 1997 г., после трехлетних разногласий по вопросам войны в Чечне, ЕС и Россия заключили Соглашение о партнерстве и

сотрудничестве (СПС). В настоящий момент Россия находится на завершающем этапе переговоров о вступлении в ВТО, после чего намерена официально заявить о желании вступить в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). После террористических актов 11 сентября 2001 г. и заявлений о поддержке глобальной войны с терроризмом Россия, при содействии президента Буша, во многом упрочила свое положение в «Большой восьмерке».

Следует упомянуть и постсоветские институты. Несмотря на то, что поначалу Содружество независимых государств (СНГ) задумывалось как «средство цивилизованного развода» бывших союзных республик, оно, вместе с Ташкентским договором о коллективной безопасности 1992 года (ДКБ), породило многостороннюю институциональную схему.⁵⁴ Хотя Содружество и является во многом условной, необязательной, рамочной структурой, оно стало важным инструментом российской внешней политики. Еще до террористических актов 11 сентября Россия начала использовать СНГ, чтобы утвердиться в роли регионального лидера в борьбе с терроризмом в Евразии. Примером этого стало открытие Антитеррористического центра СНГ.

Даже когда внешняя интеграция и институты, казалось, противоречили интересам России, она продолжала поддерживать институциональный диалог в самых неблагоприятных условиях, как это было в случае с НАТО. С одной стороны, две волны расширения НАТО и война в Косово в значительной мере способствовали отчуждению российского общественного мнения от Запада. Но с другой стороны, эти спорные вопросы создали уникальные институциональные рамки в отношениях Россия-НАТО, которые, как это ни парадоксально, стали одним из ключевых каналов взаимодействия с Западом. Несмотря на многочисленные разногласия, Россия участвовала в работе Североатлантического Совета по сотрудничеству (ССПС)

и Партнерства ради мира (ПрМ), в миротворческих силах ИФОР и СФОР в Боснии, КФОР в Косово, в работе Совместного Постоянного совета (СПС), а в настоящее время — в Совете Россия-НАТО. Иными словами, в течение 1990-х гг. происходило постоянное наращивание институциональной базы в отношениях России и НАТО.

Да и в целом, большая часть отношений России с Западом концептуализировалась и осуществлялась в рамках многосторонних структур, либо проходила через них. Взаимодействие России и НАТО свидетельствует о смене парадигмы в российском внешнеполитическом мышлении. В рамках старой, модернистской парадигмы Россия постоянно говорила о своих мнимых стратегических потерях. В рамках новой, институциональной тенденции она была вовлечена в многостороннее партнерство, несмотря на отсутствие перспектив членства в той или иной организации.

Институциональный императив также является нормативным императивом, поскольку большая часть интеграции за пределами России происходит на Западе, и является частью западной моральной гегемонии, нового нормативного дискурса власти. Официальные заявления России о приверженности ценностям демократии имеют мало общего с ее демократическим идеализмом начала 1990-х гг.; они, скорее, свидетельствуют о прагматичном подходе, в рамках которого принятие доминирующих западных норм имеет долгосрочную стратегическую ценность, т. е. служит национальным интересам.

1990-е: катастрофа, которой не было

Можно по-разному оценивать внешнюю политику России последнего десятилетия. Несгибаемые теоретики реализма на Западе и извечные критики России в странах бывшей советской империи видят в российской политике

стратегический маневр. Россия, говорят они, временно отступила для перегруппировки сил в период упадка, чтобы затем вернуться на мировую сцену в своей привычной имперской роли: взгляните на обе чеченские войны, на самоуверенное поведение России в странах «ближнего зарубежья» и на ее неприятие расширения НАТО. Одновременно в конце 1990-х гг. возникла новая школа скептиков. Особенно сильно на них повлиял дефолт в августе 1998 г. и скандал вокруг «Бэнк оф Нью-Йорк», разразившийся позднее в том же году. Начались дискуссии о том, «кто потерял Россию», целью которых была критика российской политики администрации Клинтона (см. доклад Комиссии Кокса Конгрессу США в сентябре 2000 г.), а некоторые скептики заговорили о возможности «мира без России».⁵⁵

И все же в оценке российской политики многое зависит от позиции наблюдателя. Череда кризисов в конце 1990-х гг. не прибавляет оптимизма, но с другой стороны, изменения в России за последние двенадцать лет можно сравнить с пятью десятилетиями «холодной войны», семью десятилетиями советского коммунизма, тремя веками Российской Империи и пятью веками российского модерна. С этой метаисторической точки зрения изменения в российской внешней политике являются ни чем иным как революцией, которая произошла без войны, оккупации или инкорпорации страны в господствующий международный режим, как это было в Германии или Японии после Второй мировой войны. «Тихая революция» не являлась осознанной целью большинства внутренних акторов и пока еще не полностью осмыслена экспертами, изучающими Россию.

Интеллектуальным предтечей этой революции был Михаил Горбачев со своим «новым мышлением». Оно появилось слишком рано, оно было отягощено некоммунистической риторикой и не подкреплялось адекватными шагами в области внутренних реформ.

Проект Горбачева не удался, но, несмотря на последовавшую череду внутренних кризисов и дипломатических столкновений с Западом, Россия не свернула с курса, выбранного в период позднего Горбачева и раннего Ельцина, и осталась в общих рамках сотрудничества с Западом. Конечно, не обошлось без коррективов, особенно в том, что касается дискурса национальных интересов и идеи «державности», но на всем протяжении 1990-х гг., по мере того, как Россия открывалась различным формам диалога, нормам и институтам, общие установки ее внешней политики и стратегии безопасности оставались неизменными.

Изменения в российской внешней политике являются ни чем иным как революцией, которая произошла без войны, оккупации или инкорпорации страны в господствующий международный режим.

Сколько бы болезненной ни была постимперская трансформация России, она оказалась неожиданно стабильной, особенно по сравнению с тем, что предсказывалось в начале и середине 1990-х гг.⁵⁶ На фоне тех мрачных пророчеств можно описать российскую внешнюю политику апофатически — т. е. с точки зрения того, чем она *не* была.

Ни один из предсказанных на Западе апокалипсических сценариев — от изоляционизма до ревизии режима контроля над вооружениями, от обструкции международных институтов до неоимпериализма в СНГ, от проецирования силы в Балтии и Центральной и Восточной Европе до рискованных интриг в странах третьего мира (вроде распространения оружия массового уничтожения) — не рассматривался в Москве в качестве вероятной альтернативы. С точки зрения теории реализма, российская политика 1990-х гг. была полным разочарованием. Никаких «больших стратегий», никакой закулисной силовой дипломатии в духе Громыко, никаких ядерных гамбитов. Ничего, кроме отступлений, адаптации и прагматизма. Неожиданный ночной бросок

двухсот российских десантников из состава СФОР в Боснии в аэропорт Приштины в Косово до подхода туда сил НАТО в июне 1999 г. был, возможно, самым смелым вызовом из тех, что Россия бросила Западу.

Иными словами, пока Запад ждал проблем в отношениях с Россией (особенно в связи с расширением НАТО и войной в Косово — двумя эпизодами, которые, в принципе, могли спровоцировать открытую вражду), реальность оказалась куда более прозаичной: Россия и Запад всякий раз возвращались к бухгалтерии переговоров об очередном транше МВФ или об отсрочке погашения российского долга.

В 1990-е гг. отношения между Россией и Западом прошли несколько серьезных испытаний на прочность, каждое из которых подтвердило значимость этих отношений и, вопреки мрачным прогнозам, укрепило механизмы сотрудничества. Самое длительное из таких испытаний — первая волна расширения НАТО, планировавшаяся и обсуждавшаяся с 1993 по 1997 гг. Длительные и болезненные переговоры, проходившие как с Россией и странами-кандидатами, так и внутри самого Альянса, закончились тем, что Россия неохотно дала согласие и в мае 1997 г. были подписаны Мадридская декларация и Договор Россия-НАТО. Эти события часто интерпретируются как геополитическая игра с нулевой суммой, которую Россия «проиграла». Однако, с институциональной точки зрения, результат был не столь однозначным. Несмотря на протесты России и на то, что ей пришлось согласиться с нежелательным для себя расширением НАТО, в ходе дебатов по этому вопросу была создана уникальная институциональная рамка, давшая России большее право голоса и вес в европейских делах. В сотрудничестве с ведущими странами НАТО Россия стала одной из главной переменных в вопросе расширения и в уравнении европейской безопасности в целом. В этом случае важен был не результат (расширение вопреки возражениям

России), а процесс, посредством которого Россия подключилась к этому проекту.

Позднее в течение этого десятилетия отношения между Россией и Западом еще дважды подверглись проверке на прочность — после дефолта в августе 1998 г. и в ходе войны НАТО в Косово в 1999 г. Что касается дефолта 1998 г., то финансовый обвал отразил общий системный кризис в России и обозначил дефицит внутренних ресурсов, ущемляющий национальные интересы в области внешней политики. Кризис был ускорен «азиатской лихорадкой» (бегством портфельных инвесторов с развивающихся рынков) и резким падением цен на нефть до уровня ниже ее себестоимости в России. Он выявил не только резко упавшие возможности российского государства, но и растущую зависимость России от мировых сырьевых и финансовых рынков. Россия обнаружила, что ее интеграция в мировую экономику зашла гораздо дальше и достигла более рискованного уровня, чем это могли предвидеть отцы ее нефтяной политики в 1970-х и 1980-х гг. и создатели российских финансовых рынков в 1990-х. Кризис 1998 г. дал понять, что внешняя политика России осуществляется в условиях ограниченного экономического суверенитета страны.

Характерно, что несмотря на страхи в первые недели кризиса и на всю серьезность удара по западным инвесторам, дефолт 1998 г. в целом не подорвал систему отношений России и Запада и не дестабилизировал внутреннюю политику России. Более того, он ускорил структурные реформы российской экономики, избавив ее от большого числа паразитических финансовых институтов, сбив курс рубля до его реальной стоимости, стимулировав замещение импорта и поддержав российского производителя. Уже к весне 1999 г. в экономике России проявились очевидные признаки выздоровления, и возобновилось ее сотрудничество с международными финансовыми институтами.

Если кризис 1998 г. продемонстрировал ограниченность экономического суверенитета России, то война в Косово в 1999 г. обозначила границы ее внешней политики, которую теперь надо было позиционировать в соответствии с

События 1990-х гг. показали ограниченную роль российского государства по отношению к транснациональным силам, будь то мировые финансовые рынки или расширяющаяся НАТО господствующим глобальным дискурсом — «новым мировым порядком». С одной стороны, война в Косово поначалу сильно ударила по отношениям России и Запада. Российская политическая элита и большая часть населения консолидировались на основе антизападных настроений, что сыграло на руку коммунистам и националистам. Среди акций протеста в марте и апреле 1999 г. были стихийные массовые

демонстрации у здания американского посольства в Москве, запись добровольцев на войну в Сербию и угрозы (звучащие в основном в стенах Государственной Думы) начать поставки оружия Милошевичу и перенацелить российские тактические ядерные ракеты на страны НАТО.

Однако к маю 1999 г. националистическая лихорадка по большей части утихла. Признав, что она не в состоянии противостоять Западу и остановить бомбардировки НАТО, Россия заняла трезвую выжидательную позицию, критикуя действия НАТО и постепенно возобновляя сотрудничество с Западом как в косовском урегулировании, так и в финансовых вопросах. В конце концов, Россия доказала себе и миру, что не склонна поддаваться соблазнам неоимпериализма и возобновлять конфронтацию с Западом даже при самых неблагоприятных обстоятельствах. Она была задета, но не выведена из себя. Большой великан был потревожен, но не предпринял ответных действий.

События 1990-х гг. показали ограниченную роль российского государства по отношению к транснациональным силам, будь то мировые финансовые рынки или расширяющаяся НАТО. Финансовый кризис 1998 г. обозначил экономическую зависимость России, а расширение НАТО и война в Косово продемонстрировали ее геополитические затруднения. Дефолт 1998 г. показал, что Россия вовлекается, «соблазняется» миром геоэкономики, а расширение НАТО и война в Косово свидетельствуют о том, что она теряет свою традиционную роль в мировой геополитике. Обе тенденции обозначают медленный дрейф России из области геополитики в область геоэкономики. Это движение, конечно, только началось, но процесс уже зашел настолько далеко, что может удерживать Россию в рамках сотрудничества с Западом, на периферии западных институтов, и служить гарантией от искушений изоляционизма и конфронтации.⁵⁷

Новый курс Путина

В новом тысячелетии отношения между Россией и Западом формируются под воздействием двух ключевых факторов. Первым стал приход к власти в России Владимира Путина (сначала, в августе 1999 г., в качестве премьер-министра, с января 2000 г. — в качестве исполняющего обязанности президента, а с мая 2000 г. — как всенародно избранного президента). Он приступил к проведению радикальных экономических и административных реформ внутри страны и направил курс внешней политики на сближение с Западом. Вторым фактором стали террористические акты против Соединенных Штатов 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними глобальная война против терроризма — два ключевых момента в президентстве Джорджа Буша-младшего.

В ранний период своего правления Путин не производил впечатления человека, который будет проводить политику

сближения с Западом. Приход к власти кадрового сотрудника КГБ, чья растущая популярность была основана на развязывании второй чеченской войны, был встречен на Западе с большой долей скептицизма, особенно в том, что касалось перспектив его внешней политики. Но проходили месяцы, и, к удивлению скептиков, Путин начал проводить динамичный курс на сотрудничество с Европой и Соединенными Штатами.

Содержание его внешней политики во многом определялось домашними проблемами, осознанием внутреннего системного кризиса (в конце концов, после августовского дефолта 1998 г. прошел всего год) и ощущением, что Россия проигрывает в борьбе за место под солнцем глобализации. Проект Путина возник на точке пересечения внутренней и внешней политики: для проведения внутренних реформ ему нужно было заручиться поддержкой Запада, создать доброжелательные и предсказуемые внешние условия и продемонстрировать, что Россия является надежным партнером на международной арене.

В осуществлении этого проекта он мог опереться на «тихую революцию» 1990-х гг. во внешней политике России. Несмотря на всю свою двусмысленность и незавершенность, эта революция установила целый ряд институциональных и психологических связей между Россией и Западом. Пытаясь преодолеть эту двусмысленность, Путин решил крепче связать Россию с Западом и уйти от риторики «многополярного мира», официального дискурса российской внешней политики прошлых лет. Эволюция российской внешней политики с 1992 г. увенчалась прагматичным, центристским консенсусом. Курс Путина провозглашал приоритет интересов России в рамках беспрецедентной внешнеполитической активности.⁵⁸

Путинская политика открытости по отношению к Западу охватывала широкий спектр вопросов, опровергала все

табу российской внешней политики и шла на невообразимые ранее уступки. Путин проигнорировал односторонний выход США из договора по ПРО в конце 2001 г. как «не представляющий угрозы для безопасности России» и занял сдержанную позицию в отношении второй волны расширения НАТО в 2002 г. В том, что касалось деликатных вопросов «ближнего зарубежья», Путин не стал протестовать против размещения американских войск в Средней Азии для ведения войны в Афганистане в 2001 г. и против отправки в 2002 г. американских военных советников в Грузию с целью подготовки и оснащения местных вооруженных сил для борьбы с терроризмом. В том, что касается более отдаленных регионов прежнего геополитического соперничества, в 2001 г. Россия ушла со своих стратегически второстепенных, но символически значимых военных баз Камрань во Вьетнаме и Лурд на Кубе.

Отношения с Европейским союзом и, в частности, российские взгляды на европейскую политику в области безопасности и обороны (ESDP), в которых поначалу сквозило подозрение, улучшились после саммита в Париже в октябре 2000 г. Компромиссное решение по Калининграду, достигнутое Россией и ЕС на встрече в верхах в Копенгагене в ноябре 2002 г., послало сигнал о готовности России отказаться от сугубо геополитического толкования вопроса о Калининграде, одной из самых острых проблем безопасности, в пользу более широкого диалога с ЕС. (В соответствии с этим соглашением российским гражданам требуются транзитные визы для поездок с «материка» в эксклав через территорию члена ЕС Литвы).

В период президентства Путина еще более значительные перемены начали происходить в отношениях между Россией и НАТО, примером чего стало согласие России на второй раунд расширения НАТО, включающий государства Балтии. После косовского кризиса

полноценный диалог с НАТО был восстановлен в феврале 2000 г. В апреле 2001 г. на российско-финском саммите в Хельсинки Путин заявил, что хотя интеграция балтийских стран в НАТО не укрепит региональную стабильность, это решение является суверенным правом каждого государства. Позднее в том же году в обращении к генеральному секретарю НАТО лорду Робертсону он отметил, что несмотря на свое неодобрительное отношение к вступлению балтийских стран в НАТО, он не будет делать ставку на противодействие этому шагу.⁵⁹ В 2002 г. сближение между Россией и НАТО продолжилось на саммите в Рейкьявике 14-15 мая, а создание Совета Россия-НАТО в Риме 28 мая 2002 г. интегрировало Россию в структуры и процесс принятия решений Североатлантического альянса настолько, насколько это вообще возможно без членства в организации.⁶⁰ Первое заседание Совета в формате «двадцатки» с участием России и 19 государств-членов НАТО прошло в Москве в мае 2003 г.

Куда более серьезный вызов новому курсу Путина заключался в иракской проблеме — от эскалации напряженности и дипломатии в Совете Безопасности ООН в конце 2002 и начале 2003 гг. до самой войны в марте и апреле 2003 г. На первый взгляд казалось, что Россия отвергла стратегическое партнерство с США, сложившееся после 11 сентября (и по ходу разрушила недавнюю дружбу между президентом Путиным и премьер-министром Великобритании Тони Блэром), когда, объединившись с Францией и Германией, она резко выступила против использования силы в Ираке. Однако все обстояло сложнее, так как Путин пытался сохранить равновесие. С одной стороны он апеллировал к российскому электорату, который в большинстве своем придерживался антивоенных и антиамериканских настроений, и к российской силовой элите, которая заняла откровенно враждебную позицию по отношению к Соединенным Штатам, а также проявлял внешнюю

солидарность с основными европейскими партнерами — Германией и Францией. С другой стороны он пытался сохранить основу стратегических отношений с США.

Путину удалось пройти между Сциллой и Харибдой. Он сохранил лицо в России и в Европе, выступив против войны, но при этом остался в рамках той фронды, которую Соединенные Штаты были готовы стерпеть. Несмотря на всю шумиху вокруг предполагаемого франко-российского вето в Совете Безопасности ООН, Россия не собиралась инициировать этот процесс, о чем было заявлено Соединенным Штатам. Скорее наоборот — не получившие широкой огласки визиты закулисных творцов внешней политики Александра Волошина в Вашингтон и Кондолизы Райс в Москву в самый разгар иракской войны помогли сохранить ткань отношений. Символическое «примирение» произошло на встрече Путина и Буша в Санкт-Петербурге в мае 2003 г., на которой оба лидера еще раз подтвердили долгосрочную ценность российско-американских отношений.

Новый курс Путина во внешней политике ведет отсчет от террористических актов 11 сентября и объявленной США войны против терроризма. Эти события открыли новые, доселе невиданные возможности для сотрудничества между Россией и Западом. За последние два года Путин многократно оказывал поддержку Соединенным Штатам, начиная с телефонного звонка президенту Бушу в первые часы после терактов со словами солидарности. Сюда же следует отнести дипломатическую поддержку войны США в Афганистане, невмешательство в военно-политические отношения между Соединенными Штатами и Центральной Азией (которая до недавних пор считалась «мягким подбрюшьем» России), равно как и примирение России и США после войны в Ираке. Теракт в Москве в конце октября 2002 г., когда группа чеченских шахидов захватила около 800 заложников во время представления мюзикла «Норд-Ост» в театре на Дубровке, еще прочнее

связал Россию с глобальной войной против терроризма и укрепил стратегическое партнерство с США. (Реакция Европы на операцию по освобождению заложников, в которой погибли 120 заложников и были убиты все террористы, была гораздо более критичной).

По большому счету, путинская политика сближения с Западом началась до 11 сентября и лишь ускорилась после терактов в Соединенных Штатах. После двух войн в Чечне и десятилетнего противодействия исламскому экстремизму на таджикско-афганской границе Россия едва ли изменила свою оценку угроз безопасности и стратегических партнеров после 11 сентября. Эти события стали, скорее, «моментом истины» для Запада, который, наконец, осознал те перемены, что постепенно происходили в России в последнее десятилетие. Как сказал Дов Линч,

...после 11 сентября интересы Запада изменились, а интересы России остались прежними. Попытки Путина теснее привязать Россию к евроатлантическому сообществу начались еще до терактов. 11 сентября, во-первых, ускорило темп движения России, а во-вторых сделало Запад более восприимчивым к российским предложениям партнерства... Глобальная война против терроризма дала России шанс присоединиться к евроатлантическому сообществу под знаменем борьбы с совместной, и, ко всеобщему удобству, неопределенной угрозой. Разногласия России с Западом никуда не исчезли. Просто Путин решил, что их гораздо легче улаживать, находясь внутри дома, чем когда твоя нога зажата в дверях⁶¹.

С каким Западом объединяться?

Нынешняя политика сближения по-новому ставит вечный вопрос об отношениях России и Запада. Ключевой проблемой всегда была несовместимость и асинхронность

развития обеих сторон. Большую часть эпохи модерна, по крайней мере со времен Петра I, Россия отставала от Запада и пыталась ему подражать. Российская периферия Европы, далекая, но включенная в общий контекст, ревниво смотрящая на Запад, но гордящаяся собой, шла путем запаздывающей модернизации, пытаясь догнать, но всегда приходя слишком поздно.

Сегодня вопрос заключается в следующем: каким Западом Россия хочет быть — Западом Гоббса или Западом Канта?

Ориентация Путина на Запад стала очередным эпизодом в истории реформ, предпринимаемых каждые несколько десятилетий с целью сократить разрыв между цивилизациями. Последствия реформ особенно заметны в российской внешней политике и политике безопасности. В результате «тихой революции» во внешней политике последних пятнадцати лет и путинской стратегической перестройки Россия движется в сторону западного сообщества безопасности, которое Роберт Купер назвал постмодернистской системой, «постимпериалистическими, постмодернистскими государствами, которые более не мыслят о безопасности прежде всего как о завоевании»⁶². Появилась ли редкая возможность для конвергенции России и Запада на основе общего понимания безопасности?

Оптимизм может быть преждевременным. Пока Россия сбрасывает институциональные и психологические структуры империализма и модерна, пытаясь объединиться с «постмодернистским Западом», Запад неожиданно оказался далеко не столь постмодернистским, как казалось, и не единым в своих взглядах. Это стало очевидно в начале нового тысячелетия, когда в ответ на террористические акты 11 сентября в Европе и Соединенных Штатах оформились две различных политики безопасности.

Россия внезапно столкнулась с трансатлантическим разрывом, возникшим в результате различия политических культур и разных путей социального развития в Европе и США. Согласно часто цитируемой фразе Роберта Кейгана, «американцы родом с Марса, а европейцы — с Венеры». Он считает, что

Европа выказывает отвращение к силе или, если взглянуть на это несколько иначе, обходит ее стороной, вступая в самодостаточный мир законов и правил, международных переговоров и сотрудничества. Она стоит на пороге постисторического рая, в котором господствуют мир и относительное процветание, своего рода воплощения идеи Канта о «вечном мире». Соединенные Штаты, напротив, по-прежнему живут в истории, используя свою силу в анархическом гоббсианском мире, где нельзя полагаться на нормы международного права и где истинная безопасность, оборона и распространение либерального порядка зависят, как и раньше, в большой мере от обладания и применения военной мощи⁶³.

Раскол в стратегических культурах, проявившийся после 11 сентября в разных подходах к глобальной войне с терроризмом, можно описать в терминах модерна и постмодерна. Американское понимание безопасности основано на модернистском представлении о государственном суверенитете, территориальности и о внешней политике как проекции силы. Символом американской веры в суверенитет и в физическую неприкосновенность тела нации являются планы создания национальной ПРО, типично модернистский проект сопротивления вызовам глобализации.

В то время как Америка идет на войну, в Европе царит мир. Политика ЕС является в основном постмодернистской, постсуверенной⁶⁴, и основана на отказе от силы и, в некотором смысле, от внешней политики как таковой. За исключением Франции и Великобритании, государства Европы все чаще демонстрируют, что готовы заключить

«субподряд» с американцами, передав им заботы о внешней политике и безопасности. В этом смысле, критикуя чрезмерную мощь США, Европа бьет мимо цели. Европейцы, похоже, не до конца осознают парадокс: их переход в пост-историю обусловлен тем, что Соединенные Штаты не пошли тем же путем. В то же время, «американцы, кажется, не сильно переживают, что они не способны войти в “постмодернистскую” утопию»⁶⁵.

Эти различия обозначились еще более четко после неудачи, постигшей идеалистический проект 1990-х гг. в Соединенных Штатах, символом которого был президент Билл Клинтон с его ставкой на информационную революцию, глобализацию, демократизацию и либерализм в духе Вудро Вильсона. После того, как на Уолл-стрит лопнул мыльный пузырь «новой экономики», а 11 сентября 2001 г. в нескольких кварталах от него рухнули башни Всемирного торгового центра, Соединенные Штаты остались с голой правдой национальных интересов и с политикой силы в качестве подручного средства.

Быть может, трансатлантический раскол не так глубок, как предполагают некоторые алармисты (см., например, «Конец Запада» Чарльза Купчана⁶⁶). Если принять в расчет экзистенциальное единство западной цивилизации, основанное на общих ценностях и верованиях, то «материкового дрейфа» тектонического характера, скорее всего, не произойдет. Однако очевидно, что современный мир распадается на гоббсовское царство модерна и кантовское — постмодерна. В результате, Россия, ищущая собственные пути выхода из модерна и точки соприкосновения с Западом, стоит перед сложной дилеммой. Более ста лет тому назад, давая поэтический комментарий к вечному стремлению России на Восток, русский поэт и философ Владимир Соловьев задавал России вопрос:

*О Русь! В предвиденьи високом
Ты мыслью гордой занята
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?*⁶⁷

Соловьев говорил о выборе между двумя ликами Востока — азиатским деспотизмом, воплощением которого был Ксеркс, и восточной духовностью, символом которой является Иисус. Однако сегодня вопрос заключается в следующем: каким *Западом* Россия хочет быть — Западом Гоббса или Западом Канта?

На этот вопрос нет однозначного ответа. Похоже, Россия не готова, да и не желает делать окончательный выбор, а предпочитает вести игру на обеих досках. Как считают Грэм Херд и Элла Акерман, трещины внутри евроатлантического сообщества позволяют президенту Путину, «наиболее последовательному западнику со времен Екатерины Великой», выбирать, какие из основных ценностей расколотого трансатлантического сообщества Россия будет разделять.⁶⁸

Россия взаимодействует с обеими политиями одновременно, говоря на двух разных языках. В отношениях с Европой лейтмотивом является многосторонний подход, экономика и «десекьюритизация»,⁶⁹ как это видно на примере недавних компромиссов, достигнутых с ЕС по вопросу Калининграда и с НАТО по поводу второго раунда расширения Альянса. Несмотря на все разговоры вокруг войны в Косово и опасений по поводу расширения НАТО, на европейском фронте Россия не видит серьезных угроз безопасности и эволюционирует в сторону постмодернистской «мягкой безопасности», нормативных дискурсов (например, в Совете Европы) и создания институтов.

Отношения с Соединенными Штатами складываются по-другому. Эволюция американского мышления в области

безопасности после 11 сентября поставила Россию перед фактом односторонних действий Соединенных Штатов, но также позволила Москве действовать более гибко в проведении собственной внешней политики и прибегать к традиционным инструментам «жесткой безопасности». По мнению Линча,

Все это время после 11 сентября Россия не отводила восхищенно-опасливого взгляда от неожиданного поворота США в сторону односторонней политики. Опасения были связаны с тем, что такой поворот может означать для России. С другой стороны, Россия была заморожена возможностью преследовать собственные интересы более открыто и даже в более одностороннем порядке⁷⁰.

Кризис на Дубровке в октябре 2002 г. и внесенные вслед за тем изменения в доктрину безопасности России выявили общие черты у России и Соединенных Штатов в исполнении обрядов национальной безопасности. На следующий день после разрешения кризиса Президент Путин приказал Министру обороны России Сергею Иванову представить проект поправок к Концепции национальной безопасности 2000 г., направленных на адаптацию Вооруженных Сил к выполнению контртеррористических задач.

Предусматривается, что на территории России подразделения сухопутных и воздушно-десантных войск будут содействовать ФСБ и МВД в пресечении деятельности террористических групп. Во внешней политике Россия пытается имитировать модель Соединенных Штатов, отстаивая свое право на нанесение превентивных ударов по базам террористов и обеспечение правопорядка за пределами своих границ. (В первую очередь имеется в виду Панкисское ущелье в Грузии, которое, по имеющимся сообщениям, служит убежищем чеченских террористов)⁷¹. Однако, «что позволено Юпитеру, не позволено быку». Поскольку перспективы

дальнейших ударов за пределами собственных границ представляются для России весьма сомнительными, новая концепция безопасности, вероятно, будет называться «превентивные удары лайтс».

Кризис на Дубровке выявил значительные сдвиги в российском общественном сознании, которые напоминают ситуацию в США. После 11 сентября Соединенные Штаты превратились в государство в состоянии войны. На примере предвыборных дебатов в ходе промежуточных выборов в США в ноябре 2002 г. стало очевидно, что страна уделяет гораздо большее внимания внутренней безопасности и войне против терроризма, чем какому-либо другому вопросу, включая экономический спад. Можно провести параллель между созданием Министерства внутригосударственной безопасности (МВБ) в Соединенных Штатах в январе 2003 г. и слиянием в России в марте 2003 г. нескольких силовых структур под крышей могущественной ФСБ. И в США, и в России власти в одинаковых выражениях говорили о необходимости консолидации и упорядочения борьбы против терроризма.

■

Заключение. Москва, Красная площадь, 2003 г.

Внешняя политика Путина завершает пятнадцатилетний цикл реформ и пересматривает всю стратегическую парадигму российского модерна. В соответствии с модернистским мышлением (которого по-прежнему придерживаются внешнеполитическая и силовая элиты), территория неприкосновенна и имеет стратегическое значение, тогда как альянсы, договоры и нормы постоянно меняются и, соответственно, имеют тактическое значение. Путин пытается перевернуть эту парадигму с ног на голову, рассматривая территорию как тактический ресурс, а альянс с западным сообществом безопасности — как стратегическую цель. Говоря о вступлении в НАТО стран Балтии, об отделении Калининграда визовым барьером, о размещении вооруженных сил США в Афганистане, Центральной Азии и Грузии, о войне США в Ираке и, возможно, о более крупномасштабном и долгосрочном присутствии США на Ближнем Востоке, российские критики Путина сокрушаются об «окружении России» и «геополитической катастрофе». Для самого же Путина это не более, чем тактические уступки, пешки в стратегическом гамбите.

Тем самым он ставит под вопрос всю территориальную парадигму, т.е. краеугольный камень российского модерна. За последние 15 лет Россия развивалась в сторону постмодернистского состояния, которое Пол Вирильо назвал «детерриториализацией»⁷². По мнению Джерарда Тоала, здесь речь идет о

переосмыслении и реструктуризации пространственных отношений вследствие технологических, материальных и геополитических преобразований конца XX в. Термин «детерриториализация» описывает такую ситуацию, когда территория теряет свое значение и влияние в повседневной жизни⁷³.

Внешняя политика Путина может истолковываться как движение в этом направлении. Он пытается заново сформулировать национальные интересы, опираясь не на пространственное, а на функциональное их определение. Впервые в российской истории национальные интересы связаны не с властью и пространственным контролем в чистом виде, а с внутренними реформами, процветанием и эффективностью правления. Путин по-прежнему видит Россию «державой», но в новом смысле; его политика является не прозападной (как это было у бывшего Министра иностранных дел Андрея Козырева), а прагматично пророссийской. Для Козырева присоединение к Западу было вопросом веры и идеологии. За путинской политикой привязки к Западу стоит просвещенный эгоизм: он нуждается в Западе для того, чтобы Россия вписалась в мир глобализации. Обладая черным поясом по дзюдо, Путин применяет на практике философию этого боевого искусства: не следует сопротивляться силой превосходящему вас противнику, но можно использовать его силу себе на пользу.

Путинская вестернизация прагматична и в том смысле, что Россия проводит разную политику в отношении разных частей Запада — Европы и Соединенных Штатов. Она ищет максимальных тактических выгод с обеих сторон: примером могут служить дипломатические маневры России до и во время войны в Ираке. В вопросах терроризма и внутренней безопасности российская политика и общество склоняются ближе к Соединенным Штатам, чем к Европе. Можно увидеть своего рода «дугу национальных интересов», протянувшуюся от Соединенных Штатов до России через головы обеспокоенных европейцев. Россия пытается имитировать глобальную роль Соединенных Штатов в региональном масштабе, по меньшей мере на востоке и на юге постсоветского пространства, принимая роль младшего партнера США в войне против терроризма. В то же время, в Европе Россия делает упор на торговлю, инвестиции,

институциональный диалог и регионализм, основанный на сотрудничестве (например, в проблеме Калининграда).

Впервые в российской истории национальные интересы связаны не с властью и пространственным контролем, а с внутренними реформами, процветанием и эффективностью правления.

Близость и партнерство с США в вопросах «жесткой безопасности» и диалог с Европой по вопросам «мягкой безопасности» и институтов — таковы два облика путинской вестернизации. Как и сам Запад, Россия столкнулось с шизофреническим раздвоением на модерн и пост-модерн, национальные мифы и глобализацию. Российское пространство огромно и беспорядочно. Оно вмещает и постмодернистскую Москву, эксцентричную смесь Лас-Вегаса и европейской культурной столицы, и мрачные промышленные города, построенные вокруг заводов советского времени и пришедшие в упадок вместе с ними. Этот дуализм различим и в подходе Путина: преследуя, по сути, постмодернистскую цель (адаптация к глобализации), он часто прибегает к модернистским средствам (восстановление властной вертикали, возрождение нарративов национального величия). Россия готовится к вступлению в ВТО и, в то же время, возрождает старый советский гимн. Она отменяет смертную казнь, одновременно продолжая безжалостную войну в Чечне.

Парадоксы развития России, оказавшейся на полпути между геополитикой и геоэкономикой, национальными интересами и глобализацией, вновь возвращают нас к универсальному российскому символу, собору Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Этот храм существует поверх исторических эпох и архитектурных стилей, оставаясь одновременно московским и азиатским, сакральным и ироничным, традиционным и постмодернистским.

Собор Василия Блаженного — ровесник российского модерна. Он был построен Иваном Грозным, предтечей Российской Империи, и спасен от разрушения куратором советской империи Иосифом Сталиным. Согласно легенде, в середине 1930-х гг. Лазарь Каганович предложил снести собор, чтобы расчистить место для праздничных демонстраций и автомобильного движения по Красной площади. Он изготовил макет Красной площади со съёмным храмом Василия Блаженного и принес его Сталину, показывая, как храм мешает демонстрациям и машинам. «А если бы его — раз!..» — и с этими словами он снял собор с площади. Сталин посмотрел, подумал и проговорил знаменитую фразу: «Лазарь! Поставь на место!..».

В течении веков Василий Блаженный был свидетелем многих исторических перипетий. Он был осквернен поляками в 1611 г., французами в 1812 г. (они превратили собор в конюшню), и был лишен колоколов и крестов большевиками в 1920 г. В XVI-XVII вв. на Лобном месте перед собором читались царские указы, происходили царские выходы к народу и казни государственных преступников — как, например, стрелецкая казнь при личном участии Петра I. В XVIII-XIX вв. на Красной площади разместился оживленный рынок, а в XX в. проходили Первомайские демонстрации.

25 августа 1968 г. восемь советских граждан вышли к Лобному месту перед собором, протестуя против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию. В мае 1987 г. немецкий пилот-любитель Матиас Руст пролетел незамеченным от самого Гамбурга и посадил свой одномоторный самолет между собором и мавзолеем Ленина, к радости фотографов и конфузу советской ПВО. В конце 1980-х и начале 1990-х гг. на Васильевском спуске проходили демонстрации в поддержку демократии, а в октябре 2002 г. во время кризиса на Дубровке сюда, на Васильевский спуск, вышли родственники заложников,

требуя удовлетворить требования террористов и прекратить войну в Чечне.

Сегодня Василий Блаженный служит декорацией для ежегодных концертов рок-музыки (к примеру, концерта Пола Маккартни в мае 2003 г.), фестивалей уличного баскетбола и перформансов радикальных художников, неукоснительно пресекаемых милицией. Исторические эпохи оставили на его стенах причудливый узор; каждое столетие добавляло свою главу и свой стиль, превращая собор уже не в символ модерна, а в палимпсест, постмодернистский коллаж. Потеряв сакральную власть над российским пространством, Василий Блаженный превратился в действующую модель российского времени, в цитату из самого себя, в репрезентацию модернистской России, которая, вероятно, закончилась, и постмодернистской России, которая еще должна случиться. ■

Примечания

Автор выражает благодарность Гэри Гертнеру, Полу Холману, Павлу Баеву, Питеру Ратлэнду, Андрею Рябову, Сергею Чугрову, Пертти Йоенниemi, Грэму Херду и Робину Милнеру-Галланду за ценные замечания и предложения к тексту.

¹ Согласно апокрифу, Иван Грозный приказал ослепить архитекторов после завершения строительства, чтобы никто не смог повторить совершенство их творения.

² Milner-Gulland, Robin, “Symbolic Landscapes in Muscovite Russia”, in R.Reid et al. (eds) *Structure and Tradition in Russian Society: A Festschrift for Yuriy Lotman, Slavica Helsingiana 14*, Helsinki, 1994. Из сегодняшних одиннадцати куполов, десятый и одиннадцатый были добавлены в конце XVI и XVII вв..

³ Исчерпывающее определение модерна было предложено социологом Зигмунтом Бауманом, который считал, что модерн является постоянной борьбой за устранение белых пятен в мировоззрении или на политической карте. «Типичная для модерна практика, суть модернистской политики, модернистского интеллекта, модернистской жизни — это стремление избавиться от противоречивости, попытка дать четкое определение и подавить либо уничтожить все, что не поддавалось четкому определению. Смысл практики модерна заключается не в покорении чужих стран, а в заполнении белых пятен на *compleat mappa mundi* (полной карте мира)». (Bauman, Zygmunt. *Modernity and Ambivalence*. Cambridge: Polity Press, 1991, pp. 7-8). От ответа Канта на вопрос «что такое Просвещение?» и определения «модернистского Просвещения» Адорно и Хоркхаймером до деконструкции Лиотара и пылкой защиты модерна Хабермасом, существует масса литературы по политическим аспектам модерна. См. Kant, Immanuel. “Beantwortung der Frage: was ist Aufklärung?,” in *Werke in sechs Bänden*, ed. by Wilhelm Weischedel, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft,

1966, Vol. VI: *Schriften zur Anthropologie, Geschichtsphilosophie und Pädagogik*, pp. 53-61; Horkheimer, Max and Theodor Adorno. *Dialektik der Aufklärung: Philosophische Fragmente*. Amsterdam: Querido, 1947 (первая публикация - 1944 г.); Lyotard, Jean-François. *La Condition postmoderne: Rapport sur le savior*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1979; Habermas, Jürgen. "Die Moderne ein unvollendetes Projekt," in *Kleine politische Schriften (I-IV)*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981, pp. 444-64; Gellner, Ernest. *Nations and Nationalisms*. Oxford: Basil Blackwell, 1988; Frisby, David. *Fragments of Modernity: Theories of Modernity in the Work of Simmel, Kracauer and Benjamin*. Cambridge: Polity Press, 1985; Berman, Marshall. *All that is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity*. London: Verso, 1983.

⁴ Raeff, Marc. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800*. New Haven, CT: Yale University Press, 1983.

⁵ Kotilaine, Jarmo and Marshall Poe, "Modernization in the Early Modern Context: The Case of Muscovy," in Kotilaine and Poe, eds., *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia*. London: Routledge, 2003.

⁶ Keenan, Edward. "Muscovite Political Folkways," *The Russian Review*, Vol. 45, no. 2, 1986, p. 118.

⁷ Dukes, Paul. *The Superpowers. A Short History*. London and New York: Routledge, 2000, p. 5.

⁸ Цит. по: Trenin, Dmitry. *The End of Eurasia: Russia on the Border between Geopolitics and Globalization*. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2001, p. 43.

⁹ Чуев, Феликс. *Сто сорок бесед с Молотовым*. Москва: Терра, 1991, с. 14.

¹⁰ Ключевский, Василий. *Курс российской истории*, Том 2, Лекция XL, Москва: Мысль, 1987, с. 372.

¹¹ Hellie, Richard. "The Structure of Modern Russian History: Towards a Dynamic Model," *Russian History*, Vol. 4, no. 1, 1977, pp. 1-22.

¹² Murawiec, Laurent. "Is Russia fated to *derzhavnost'*? Or: Small is beautiful," Доклад на конференции Центра им. Маршалла «Россия и Запад на рубеже тысячелетий», Москва, октябрь 2001 г. См. также: Murawiec. *L'Esprit de Nations. Cultures et Géopolitique*. Paris: Éditions Odile Jacob, 2002, pp. 236-282.

¹³ Hosking, Geoffrey. "The Freudian Frontier," *Times Literary Supplement*, 10 March 1995, p. 27.

¹⁴ Weber, Eugene. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France*. London: Chatto & Windus, 1979.

¹⁵ Zevelev, Igor. *Russia and its New Diasporas*, Washington, DC: United States Institute of Peace, 2001, p. 34.

¹⁶ Chervyakov, Vladimir. "The Russian National Economic Elite in the Political Arena," in Klaus Segbers, Stephan de Spiegeleire (eds.) *Post-Soviet Puzzles: Mapping the Political Economy of the Former Soviet Union*, Vol. I: Against the Background of the Former Soviet Union. Baden-Baden: Nomos, 1995, pp. 205-282.

¹⁷ Chervyakov, p. 208.

¹⁸ Murawiec, *L'Esprit de Nations*, p. 250.

¹⁹ Шафаревич, Игорь, «Две дороги к одному обрыву», *Новый мир*, №7 (июль 1989), с. 147-165

²⁰ Существует также идейное родство между модернизмом и итальянским фашизмом: Муссолини одно время был поклонником итальянских футуристов, а лидер футуристов Филиппо Маринетти считал, что фашизм является естественным продолжением футуризма.

²¹ Hopf, Ted. *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies, Moscow 1955 and 1999*, Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002, Chapter 2. См. также: Francis Fukuyama, "The Modernizing Imperative. The USSR as an Ordinary Country," *National Interest*, Vol. 20, Spring 1993, pp. 10-18.

²² Horkheimer, Max and Theodor W. Adorno. *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*, Stanford, CA: Stanford University Press, 2002.

²³ Кордонский, Симон, «Постперестроечное экономическое пространство. Трансформации административного рынка», в Сергей Чернышов (ред.-сост.) *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания*, Том 1: *Россия как предмет*. Москва: Аргус, 1995, с. 173.

²⁴ Castells, Manuel. *The Information Age. Economy, Society and Culture*. Vol. III: *End of Millennium*, 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishers, 2000, pp. 6-7.

²⁵ Там же.

²⁶ Castells, *The End of Millennium*, pp. 10, 15.

²⁷ Castells, *The End of Millennium*, p. 21.

²⁸ Там же, стр. 22.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 29-30.

³² «Не случайно Советский Союз, компании Дженерал Моторс и IBM и централизованный азиатский капитализм были вынуждены осуществить перестройку в одно и то же десятилетие. Они не могли справиться с динамикой, созданной микросхемой и персональным компьютером, которая позволила рассредоточенным системам в бизнесе, производстве, сборе информации и управлении достичь большей эффективности, чем в административно-командных системах.» (Friedman, Thomas L. "Russia is Modernizing Better than Indonesia," *International Herald Tribune*, 27 July 1998).

³³ Подробный анализ административно-территориальной структуры и феноменологии советского пространства см. в: Каганский, Владимир «Советское пространство: конструкция и деструкция», в Сергей Чернышов (ред.-сост.) *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания*, Том 1: *Россия как предмет*. Москва: Аргус, 1995, с. 89-127.

³⁴ Каганский, с. 92.

³⁵ Gaddy, Clifford and Fiona Hill, "Putin's Agenda, America's Choice: Russia's Search for Strategic Stability," *Brookings Institution Policy Brief*, no. 99, May 2002, сетевой ресурс

www.brook.edu/comm./policybriefs/pb99.htm, доступ 4 ноября 2002 г.

³⁶ Там же.

³⁷ Салмин, Алексей. *СНГ: Состояние и перспективы развития*. Москва: Фонд Горбачева, 1992 г.

³⁸ Adomeit, Hannes. "Russia as a 'great power' in world affairs: images and reality," *International Affairs* (London), Vol. 71, no. 1 (January 1995), pp. 38-39.

³⁹ Adomeit, p. 41.

⁴⁰ Термин был впервые введен Полом Кеннеди. (Kennedy, Paul. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, New York: Random House, 1987; о Советском Союзе см. с. 488-514.)

⁴¹ Купер, Роберт, «Россия, Запад и глобальная цивилизация», в: Сергей Медведев, Александр Коновалов, Сергей Ознобищев (ред.-сост.) *Россия и Запад на рубеже тысячелетий*, Гармиш-Партенкирхен: Центр им. Маршалла, 2003, с. 22-23.

⁴² Будучи аспирантом юридического факультета МГУ в конце 1950-х годов, Михаил Горбачев делил комнату в общежитии и дружил со студентом из Чехословакии Зденеком Млинаржем, который позднее стал одним из архитекторов «Пражской весны». В своих мемуарах Млинарж отмечает, что «политика Горбачева стала исторической реабилитацией попытки реформ в Чехословакии в 1968 г.» (Млинарж, Зденек. *Холодом веет от Кремля*, Maspeth, NY: Problems of Eastern Europe, 1988, p. iii).

⁴³ Фадин, Андрей, «Модернизация через катастрофу?» в: Сергей Чернышов (ред.-сост.) *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания*, Том 1: *Россия как предмет*. Москва: Аргус, 1995, с. 325.

⁴⁴ Rutland, Peter. "Putin's Path to Power," *Post-Soviet Affairs*, Vol. 16, no. 4 (December 2000), p. 316.

⁴⁵ Подсчитано по: Болотин, Б. «Социально-экономические показатели Запада и России» *Мировая экономика и международные отношения*, 1999 г., №. 8 (август), стр. 114-128.

⁴⁶ Арбатов, Алексей, «Безопасность России в многополюсном мире», Доклад, представленный на конференции Центра им. Маршалла «Россия и Запад на рубеже тысячелетий», Москва, октябрь 2001 г.

⁴⁷ Гройс, Борис, «Россия как подсознание Запада» в Гройс, *Утопия и обмен*, Москва: Знак, 1993 с. 245-259. Также см.: Medvedev, Sergei, «Russia as the Subconsciousness of Finland», *Security Dialogue*, Vol.30, no.1 (March 1999), pp. 95-109.

⁴⁸ Солженицын, Александр. *Как нам обустроить Россию: посылные соображения*, Ленинград: Советский писатель, 1990.

⁴⁹ «Наркотик нефть», *Эксперт*, № 42 (9 ноября 1998 г.), с. 41. По словам бывшего министра внешней торговли СССР Константина Катушева о советских нефтедолларах, «...мы в правительстве не особенно эффективно их [нефтедоллары — прим. авт.]использовали. Эти большие деньги расслабили и, возможно, испортили наших руководителей и нас.» (Цит. по: Денчев, К. «Нефтегазовый фактор в международных отношениях», *Полития*, №. 3 [осень 1999], с. 133.)

⁵⁰ Гавриленков, Евгений и Вольфрам Шреттл, «Интеграция в мировую экономику: российские дилеммы», в: Сергей Медведев, Александр Коновалов, Сергей Ознобищев (ред.-сост.) *Россия и Запад на рубеже тысячелетий*, Гармиш-Партенкирхен: Центр им. Маршалла, 2003, с. 157.

⁵¹ Ратлэнд, Питер, «Зыбучие пески. Политическая экономия отношений России с Западом», в: Сергей Медведев, Александр Коновалов, Сергей Ознобищев (ред.-сост.) *Россия и Запад на рубеже тысячелетий*, Гармиш-Партенкирхен: Центр им. Маршалла, 2003, с. 142-143.

⁵² Игнатова, Мария, «Россия все еще живет за счет природных ресурсов. Интервью с вице-премьером Виктором Христенко», *Известия*, 8 июня 2001 г.

⁵³ Салмин, Алексей. «Внутриполитические акторы и внешняя политика Российской Федерации», Доклад, представленный на конференции Центра им. Маршалла «Россия и Запад на рубеже тысячелетий», Москва, октябрь 2001 г.

⁵⁴ См. Baev, Pavel, "The CIS: Refusing to Fade Away," *The Jamestown Foundation Russia and Eurasia Review*, Vol. 1, no. 10, 22 October 2002, сетевой ресурс http://russia.jamestown.org/pubs/view/rer_001_010_001.htm, доступ 7 ноября 2002.

⁵⁵ Graham, Thomas, "A world without Russia?," Jamestown Foundation Conference, Washington, DC, 9 June 1999, сетевой ресурс <http://www.cdi.org/russia/johnson/3336.html>, доступ 2 августа 2002.

⁵⁶ Как сказал Бжезинский, «распад в конце 1991 г. государства с самой большой в мире территорией привел к возникновению черной дыры в самом центре Евразии. Словно геополитический хартленд вдруг исчез с карты мира.» (Brzezinski, Zbigniew. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books, 1997, p. 87.) См. также другие прогнозы школы Реализма: Jervis, Robert and Seweryn Bialer (eds), *Soviet-American Relations after the Cold War*, Durham: Duke University Press, 1991; Jervis, Robert & Jack Snyder (eds.), *Dominoes and Bandwagons: Strategic Beliefs and Great Power Competition in the Eurasian Rimland*. New York: Oxford University Press, 1991.

⁵⁷ Medvedev, Sergei. *Russia's Futures: Implications for the EU, the North and the Baltic Region*, Programme on the Northern Dimension of the CFSP, Vol. 8. Helsinki: UPI and Bonn: IEP, 2000, p. 19.

⁵⁸ Lynch, Dov, "Anchoring in Troubled Seas," Paper presented at the conference on "Reassessing the Transatlantic Partnership," Istituto Affari Internazionali, Rome, 19-20 July 2002.

⁵⁹ Цит. по: Herd, Graeme and Ella Akerman, "Russian Strategic Realignment and the Post-Post-Cold War Era?," *Security Dialogue*, Vol. 33, no. 3, September 2002, p. 365.

⁶⁰ "NATO-Russia Relations: A New Quality," Declaration by heads of state and government of NATO member-states and the Russian Federation, Rome, 28 May 2002, сетевой ресурс <http://www.nato.int/docu/basicxt/b020528e.htm>, доступ 11 ноября 2002 г.

⁶¹ Lynch, Dov, "Anchoring in Troubled Seas".

⁶² Cooper, Robert, "The new liberal imperialism", *Observer*, 7 April 2002, сетевой ресурс <http://www.observer.co.uk/comment/story/0,6903,680093,00.html>, доступ 30 июля 2002 г.

⁶³ Кейган, Роберт, «Сила и слабость», *Pro et Contra*, Том 7, № 4 (Осень 2002 г.), с. 127. Сетевой ресурс <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/v7n4-08.pdf>, доступ 6 января 2003.

⁶⁴ Cooper, "The new liberal imperialism."

⁶⁵ Кейган, с. 150-151.

⁶⁶ Kupchan, Charles, "The end of the West," *Atlantic Monthly*, November 2002, сетевой ресурс <http://www.theatlantic.com/issues/2002/11/kupchan.htm>, доступ 12 ноября 2002 г.

⁶⁷ Соловьев, Владимир, "Ех oriente lux", *Русские поэты. Антология русской поэзии в 6-ти тт.* Москва: Детская литература, 1996.

⁶⁸ Herd and Akerman, p. 370.

⁶⁹ Термин «десекуритизация» (desecuritization) введен Оле Уэвером для обозначения процесса, при котором проблематика безопасности теряет свое первоочередное значение во внутренней и внешней политике государства. (Ole Wæver, "Securitization and Desecuritization," in Ronnie D. Lipschutz (ed.) *On Security*, New York: Columbia University Press, 1995, p. 67)

⁷⁰ Lynch, Dov, "Russia: Anchoring in Troubled Seas," *EU ISS Newsletter*, No. 3-4, September 2002; сетевой ресурс <http://www.iss-eu.org/newsltr/n3-4e.pdf>, доступ 13 ноября 2002.

⁷¹ Saradzhyan, Simon, "Military Gets OK to Strike Abroad," *Moscow Times*, 6 November 2002.

⁷² Virilio, Paul and Sylvere Lotringer, *Pure War*, New York: Semiotext(e), 1983.

⁷³ Gearóid Ó Tuathail (Gerard Toal), "Borderless Worlds? Problematising discourses of deterritorialisation," *Geopolitics*, Vol. 4, no. 2, Autumn 1999, p. 139.

**Европейский Центр исследований по вопросам
безопасности им. Джорджа Маршалла**

Д-р Джон П. Роуз
директор

**Майкл Дж. Маккарти (генерал-майор ВВС США в
отставке),**
Заместитель директора Центра им. Маршалла

**Д-р Хорст Шмалефельд (генерал-майор ВВС ФРГ в
отставке),**
Заместитель директора Центра им. Маршалла

Посол Мэри Энн Питерс
Заместитель директора по международным связям

***Колледж по изучению вопросов безопасности и
международных отношений***

Д-р Джон Репперт
декан

Маржди Гибсон
редактор, Публикации Центра им. Маршалла

Публикации Центра им. Маршалла

***№ 1 - Новые устремления Европы в области обороны:
последствия для НАТО, США и России***

Питер ван Хам
апрель 2000 г.

***№ 2 - Трансформация российской военной доктрины:
уроки Косово и Чечни***

Алексей Г. Арбатов
июль 2000 г.

***№ 3 - Безопасность на базе сотрудничества:
новые перспективы международного порядка***

Ричард Коэн
и Майкл Михалка
апрель 2001 г.

***№ 4 - Единство Запада и трансатлантическая
безопасность перед лицом испытаний***

Петер ван Хам
и Ричард Л. Каглер
июнь 2002 г.

***№ 5 - Борьба с терроризмом и применение силы
с точки зрения международного права***

Майкл Н. Шмитт
ноябрь 2002

**Консультативный совет редакционной коллегии
Публикаций Центра им. Маршалла**

Проф. Евгений Бажанов

Проректор по научной работе Дипломатической
академии МИД РФ

д-р Вильфрид фон Бредов, профессор

Институт политологии, Марбургский университет

д-р Пол Корниш

Центр оборонных исследований, Кингс Колледж, Лондон

д-р Кристофер Дэндекер

Заведующий Кафедрой военных исследований, Кингс
Колледж, Лондон

д-р Роберт Г. Дорфф

Заведующий кафедрой национальной безопасности и
стратегии,

Военный колледж Армии США

д-р Хайнц Гертнер, профессор

Институт политологии, Венский университет

д-р Ференц Газдаг, профессор

Директор Института стратегических и оборонных
исследований, Будапешт

д-р Томас Б. Грэсси

директор Отдела по связям с прессой Колледжа ВМС
США

д-р Али М. Караосманоглу, профессор

заведующий Кафедрой международных отношений,
Билькентский университет

д-р Джейкоб Кипп

старший научный сотрудник, Управление зарубежных
военных исследований, Общевоинской центр Армии

США

д-р Чарльз А. Купчан

член Совета по международным отношениям, Вашингтон

д-р Фридемани Мюллер

Фонд науки и политики, Берлин

д-р Фрэнсис Пилч

Кафедра политологии, Академия ВВС США

д-р Эндрю Л. Росс

Кафедра стратегических исследований, Колледж ВМС
США

д-р Дмитрий Тренин

заместитель директора Московского центра Фонда
Карнеги за международный мир

д-р Танос Веремис

профессор в области эллинистики и изучения стран Юго-
Восточной Европы (стипендия Константина
Караманлиса), Школа права и дипломатии им.
Флетчера, Университет Тафтс

д-р Петер М. Е. Фольтен, профессор

директор Центра по изучению вопросов европейской
безопасности, Университет Гронингена

д-р Стивен Л. Уайт

Кафедра политологии, Университет Глазго